День Святой Троицы

В праздник Пятидесятницы вспоминается и прославляется сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков. Название этот праздник получил потому, что это событие совершилось в ветхозаветный праздник Пятидесятницы, который отмечался после иудейской Пасхи на 50-й день.

Этот праздник называется также Днем Святой Троицы. Последнее название объясняется тем, что сошествием Святого Духа на апостолов открылась совершительная деятельность третьего Лица Пресвятой Троицы, и учение Господа Иисуса Христа о Триедином Боге и участии Трех Лиц Божества в Домостроительстве спасения человеческого рода достигло совершенной ясности и полноты.

Это великий день для всего рода человеческого. Если бы люди понимали, что Господь послал в этот день Своего Духа Утешителя, и познали силу и действие благодати, которая *«немощная врачующая и оскудевающая восполняющая»*, то для них была бы радость неизреченная и жизнь была бы наполнена смыслом и надеждой спасения.

Мы так ждем этот праздник, потому что с этого дня была создана Господом Церковь Христова. У нас есть смысл жизни, цель жизни — стяжать благодать Духа. Не оскорблять Бога грехами своими и пороками, жить в воздержании от страстей, быть чистыми и нравственными, чтобы Господь дал вселиться в Обитель, которую Он создал нам от сотворения мира. И поэтому, как и раньше, Господь говорил: *«Если жаждешь, иди ко Мне и пей»* (Ин.7, 37), так и сейчас мы говорим, что если тебе трудно, если нападает на тебя уныние, если у тебя тяга к вину, наклонности к другим порокам и страстям, но ты не хочешь валяться в этом грешном болоте, приди к Богу, и Он даст тебе воды, которая приведет тебя в жизнь вечную. Ты утолишь жажду тем, что Господь благодатью Своей очистит тебя *«от всякия скверны»*. Ты получишь исцеление, которое много лет жаждет твоя душа. Господь сказал: *«Аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще же иду, послю Его к вам... Егда же придет Он, наставит вы на всяку истину»* (Ин. 16, 7 и 13).

Многие из нас знают, что Духом Святым только все существует, движется и живет. Мы постоянно просим: *«Царю Небесный, Утешителю, Душе истинный, приди и вселися в ны...»* Зачем Он должен вселиться в нас? Чтобы наставить нас на всякую истину, чтобы мы увидели путь, чтобы мы увидели жизнь, чтобы мы жили в свете...

Епископ Липецкий и Елецкий Никон

Русь Святая, храни веру православную

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Храм в честь новомучеников и исповедников Российских, с. Мокрое, 10 февраля 2007 г.

Сегодня мы собрались в этом прекрасном, но пока, к сожалению, единственном храме нашей епархии, посвященном Собору новомучеников и исповедников Российских. Совершая их память, мы молимся им, принявшим мученический венец и увенчанным славой Божией, чтобы они и нам помогли бы пройти путь, уготованный нам Господом, и достигнуть конца — спасения наших душ.

В книге Откровение мы читаем, что, когда сняли пятую печать, святой апостол Иоанн Богослов увидел *«под олтарем души избиенных за Слово Божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголющее: доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крове нашея от живущих на земли... и речено бысть им, да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их и братия их, имущи избиении бытии, якоже и тии»* (Откр. 6, 9-11). Так что эти страдания будут продолжаться до Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Значит и нам уготованы кресты страдания и мученичества...

Святейший Патриарх Тихон взошел на престол Русской Церкви в очень сложное время. Он много страдал, выступая за прекращение братоубийственной резни, за прекращение осквернения святынь... Святитель Тихон и молитвенно, и матери-

ально поддерживал очень многих страждущих иерархов и священников, и простых верующих. Он мужественно отстаивал интересы Церкви пред богоотступнической властью, за что и пострадал...

Очень страшные были гонения в 20-х годах XX столетия, когда отбирали сосуды церковные для голодающих Поволжья. Было указание Ленина, чтобы как можно больше и безпощадней расправляться с духовенством. Первым пострадал митрополит Киевский Владимир, старец, бывший 60 с лишним лет в сане... Его ведут за стены Лавры, бьют, а он молится: «Господи, прости им...», его расстреливают, со звериной жестокостью штыками докалывают его... Вениамин, митрополит Петроградский, также говорил, что мы готовы отдать все церковные сосуды, не участвующие в Богослужении, дорогие оклады с икон... И в словах митрополита нашли причину, чтобы осудить его и многих с ним, устроить показной суд и доказать, что они являются врагами советской власти...

Сколько было явных и тайных злодеяний богоборческой власти! Сейчас выпущено несколько томов книг о новомучениках и исповедниках Российских. Каких только насилий и изуверств не применяли палачи новой власти: в сатанинской агонии они пытались истребить всех верующих, чтобы даже имя Божие не произносилось никогда. Уничтожали безпощадно, без суда и следствия. Как и в первые века христианства, за одно только имя «христианин» убивали людей, казнили. А для того, чтобы люди отреклись от Бога, применяли самые ужасные пытки.

В наше время эти истязания стали еще более извращенными и ужасными. Вся цель и идеология бывшей советской партии — увести людей от Христа. Сатанинской силой они уничтожили и православного Царя, и его семью. Великую княгиню Елисавету с ее келейницей Варварой и другими членами Царской фамилии в Алапаевске сбросили в шахту. Мученики держались до последнего и пели Херувимскую песнь. На 15-тиметровой глубине еще долго слышали их голоса и стоны. Потом, когда доставали тела, увидели, что княгиня Елисавета пыталась перевязать раненого своим апостольником (монашеский головной убор).

Нетленные мощи Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары через Китай были тайно отправлены в Иерусалим; там, в русском женском монастыре Марии Магдалины, сейчас находятся две раки с их мощами...

А сколько их, известных и неизвестных мучеников, хранивших веру Православную! Их кровью полита наша земля, и мы молимся: «Господи, Ты Сам знаешь, сколько погибло за имя Твое, их молитвами помилуй и нас грешных»...

Если мы задумаемся, то поймем, что благодаря множеству пострадавших мучеников, пожертвовавших собой, защищая наше святое Православие, сейчас мы имеем возможность строить храмы и молиться в них, причащаться Святых Таин, плакать у икон и просить прощения за грехи, просить помощи и утешения в различных неурядицах и скорбях нашей жизни. И молиться не только за себя, но и за всех близких, родных, знакомых... Если раньше не было храма и некуда было пойти, негде было собраться верующим, то сейчас в любое время двери для нас открыты.

Но как часто свою скорбь мы носим в себе и почему-то не приходим в храм, чтобы излить все пред Богом и в совместной молитве испросить себе помощи и поддержки. Вот смотрите: сонмы святых, изображенных здесь, на иконах и фресках, ждут нашего обращения, ждут, когда мы призовем их на помощь...

Господь потому и посылает скорби, чтобы в них люди нашли Бога, пришли к Нему и попросили Его о помощи и помиловании. И когда обратятся ко Господу, тогда начинают понимать цель своей жизни, начинают воспринимать умилительные слова Великого канона: *«Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Конец приближается...»* Тогда начинаем мы понимать, что нужно пробудиться от сна, бороться за свою душу, спасать свою семью, своих близких молитвой, исполнением заповедей Божиих, евангельского закона.

Итак, во время страшных гонений и испытаний, выпавших на долю нашей Церкви, верующие устояли, претерпевая все страдания даже до смерти. Они и увенчались славными венцами в Царствии Господа нашего Иисуса Христа. Мы живем в благоприятное и спокойное время. Не предадимся же духовному сну, не последуем миру в пьянстве, веселье, утехах, в удовлетворении всяких наслаждений. Будем исповедовать Христа везде и всюду, не боясь за себя. Не теряйте это благоприятное время, используйте его для покаяния и добрых дел. Да помогут нам в этом сонмы святых мучеников и праведников. Аминь.

90-летию убиения Царственных Страстотерпцев посвящается

СЛОВО НА УБИЕНИЕ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА НИКОЛАЯ II

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ШАНХАЙСКИЙ И САН-ФРАНЦИССКИЙ

«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт. 4, 10-11).

Так изрек Бог Каину после убийства им Авеля. Незлобивый, кроткий Авель бездыханный и безгласный лежал на земле. Но кровь его вопияла к небу. О чем вопияла она? Вопила земля, вопила природа, взывая к Богу о правосудии. Вопила, ибо не могла молчать, потрясенная совершившимся преступлением. Есть события, которые потрясают даже бездушные стихии. Сам Господь творит тогда суд над ними. Таково было первое убийство Каинова. Таковы многие другие тягчайшие преступления. К ним относится страшное цареубийство в Екатеринбурге. За что был преследуем, оклеветан и убит Царь Николай II? За то, что он был Царь, Царь милостью Божией. Он был носителем и воплощением православного мировоззрения, что Царь есть слуга Божий, Помазанник Божий, Ему должный дать отчет за судьбы вверенного ему народа, за все свои деяния и поступки, не только личные, но и как Правителя.

Так верил православный русский народ, так учила Православная Церковь, так сознавал и ощущал Царь Николай. Он был весь проникнут этим сознанием. Он смотрел на свое несение Царского венца, как на служение Богу. Он это помнил при всех своих важных решениях, при всех возникавших ответственных вопросах. Вот почему он так тверд и непоколебим был в тех вопросах, в которых он был убежден, что такова воля Божия, твердо стоял за то, что представлялось ему нужным для блага возглавляемого им Царства.

А когда он увидел, что поставлен в невозможность совершать по совести свое царское служение, то сложил с себя царский венец, подобно св. князю Борису, не желая стать причиной раздоров и кровопролития на Руси. Самопожертвование Царя, не принесшее России пользы, а, наоборот, давшее еще большую возможность безнаказанно совершать преступления, принесло невыразимую скорбь и страдания. Но в них он проявил величие духа, уподобившее его праведному Иову. Злоба врагов не унималась. Он был и тогда опасен, ибо он был носитель сознания, что Верховная власть должна быть Богу покорна, от Него получать освящение и укрепление, Божиим заповедям следовать. Он был живым воплощением веры в Промысл Божий, действующий в судьбах царств и народов и направляющий верных Богу правителей на благие и полезные деяния. Посему он был нетерпим для врагов веры и для тех, кто стремится человеческий разум и силы поставить выше всего... Царь Николай Александрович был слуга Божий по внутреннему своему миросозерцанию, по убеждениям, по своим действиям, и таким он был в глазах всего православного русского народа. Борьба против него была тесно соединена с борьбой против Бога и веры. По существу, он сделался мучеником, оставшись верным Царю царствующих, и принял смерть так, как принимали ее мученики.

Праведный Иов-Многострадальный был первым прообразом великого Страдальца за наши грехи, Спасителя мира. Подобно Иову, обладавшему большими богатствами и ставшему нищим, Сын Божий, оставя Свой небесный Престол, «обнищал», не имея где преклонить главу. Как Иов терпел укоризны от своих друзей, так и Христос претерпел поношения и клеветы от Своих соплеменников и предательство Иуды. Но как после страданий св. Иов вновь увенчался славой и богатством, так и Сын Божий воскрес из мертвых и взошел на Свой небесный Престол, воспеваемый ангелами и приемлющий поклонение от всего мира.

Живым напоминанием о страданиях Христовых явился Царь Николай во дни своих испытаний. Почти все приближенные его оставили и, как друзья Иова, обвиняли его в несовершенных преступлениях. Толпы, еще недавно его приветствовавшие, теперь поносили его. *«Распни его»*, — слышалось всюду. А друзья молчали *«страха ради иудейского»*. Царь сохранял крепость духа и все переносил с беззлобием и всепрощением. Этим он прославился на весь мир еще больше, чем славными деяниями своего царствования. Отличаясь с детства благочестием, Государь старался в жизни подражать святым Иову и святителю Николаю. «Я родился в день Иова Многострадального — и мне предназначено страдать», — говорил он еще задолго до скорбных дней. Государь до дна выпил чашу своих страданий. Но кто с Христом страдает, с Ним и прославится. На Государе сияет венец Страстотерпца, последовавшего с крестом своим за Сыном Божиим.

За согрешившую, страждущую ныне Русь нужна и сильная ныне молитва Царя-мученика!

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать седьмое

О двух плодах любви к ближнему

Любовь не делает ближнему зла. Любовь милосердствует (Рим. 13, 10; 1 Кор. 13, 4).

Многие христиане в этом имени — ближний — обманываются. Поэтому, во-первых, рассмотрим, кто есть наш ближний, чтобы так познать, что есть любовь к ближнему.

Все мы друг другу ближние: власти для подвластных, а подвластные для властей — ближние; пастыри для людей, и люди для пастырей — ближние; родители для детей, а дети для родителей — ближние; господа для рабов и крестьян, а рабы и крестьяне для господ — ближние; мужья для жен, а жены для мужей — ближние; продающие и покупающие между собой — ближние; хозяева и наемники друг для друга ближние; судьи и подсудимые друг для друга ближние. Словом, все люди: родственники и не родственники, знакомые и незнакомые, земляки и иностранцы — друг другу ближние. А особенно христиане, которых связывает единая вера, единое Крещение, единое Божие Слово, исповедание и призывание единого Бога, единое упование на воскресение мертвых и вечную жизнь. Особенно, говорю, христиане — друг другу ближние и братья. Ибо они единому Небесному Отцу молятся, и, как братия между собой, говорят Ему: *Отче наш, Иже еси на небесех,* — и прочее. Итак, беседуем здесь о христианской любви, которая не только своих родственников, братьев, друзей, знакомых, но и всех людей, а особенно присных в вере и братию по духу, христиан, в объятиях своих заключает и содержит.

Такой любви два плода здесь изъясняются: первый — никому не делать зла; второй — милость и милосердие ближнему являть в нужде. Первая милость и плод любви: никого не обидеть и никому не делать зла.

Зло — это и обида родителям, когда им дети не покоряются, зло — это и обида властям, когда им подвластные не оказывают достойного почитания, покорности и послушания. *Любовь не делает* такого *зла.* Кто любит своих родителей и власти, тот повинуется им и почитает их.

Зло есть не повиноваться пастырям и наставникам. Любящий этого зла не делает, а повинуется им и покоряется.

Зло есть гневаться и злобиться на ближнего, и как-нибудь вредить его здоровью или именню. Любящий этого зла не творит.

Зло есть блудодействовать и прелюбодействовать, и себя, и ближнего осквернять. Любящий этого зла не делает.

Зло есть или явно, или тайно, или коварно и льстиво добро ближнего себе похищать и присваивать. Любящий этого зла не делает.

Зло есть лжесвидетельствовать на суде на ближнего своего. Любящий этого зла не делает.

Зло есть ближнего оклеветать и честь имени его помрачить. Любящий этого зла не делает.

Зло есть ближнего укорить, обругать и так оскорбить его. Любящий этого зла не делает.

Зло есть ближнего обмануть и прельстить. Любящий этого зла не делает.

Зло есть коварно и льстиво с ближним обходиться. Любящий ближнего этого зла не делает.

Зло — это и обида, причиненная детям, когда их родители нерадят об их добром воспитании и христианском наставлении. Любящий ближнего этого зла не творит.

Зло — это и обида людям, когда пастыри об их спасении небрегут. Добрый пастырь, любящий ближнего, этого зла не творит.

Зло — это и обида приходящим к суду, когда судьи смотрят на мзду или на лица, а не по правде судят. Судья, любящий ближнего, этого зла не творит.

Зло — это и обида крестьянам, когда господа их или излишними оброками, или рабо-

тами отягчают. Господин, любящий ближнего, этого зла не творит.

Зло — это и обида мужу, когда жена его верности супружеской не хранит, и обида жене, когда муж ее верности супружеской не хранит. Любящий ближнего этого зла не творит.

Зло — это и обида хозяину, когда наемник леностно и лицемерно на него работает. Любящий ближнего этого зла не творит.

Зло — это и обида наемнику, когда хозяин плату его удерживает или дает неполностью. Любящий ближнего зла этого не творит.

Зло — это и обида покупателю, когда продавец в товаре его обманывает. Любящий ближнего зла этого не творит. Так *любовь не делает ближнему зла*. Это есть первый плод любви, то есть ближнему зла не желать и не делать.

Второй плод любви — ближнего бедствующего жалеть и ему в бедствии помогать. Истинно любящий ближнего, видя его в бедности, не может ему не соболезновать и над ним не умилосердиться, и не подать ему руку помощи, потому что *любовь милосердствует*. Видит алчущего и напитает его; видит жаждущего и напоит его; видит нагого и оденет его; видит странствующего и введет его в дом свой; видит больного или сидящего в темнице и посетит его (см. Мф. 25, 33-36). Словом, во всяком бедствии поможет ему: страждущему сострадает, болезнующему соболезнует, печального утешит, ибо *любовь милосердствует*. У любящего мятется сердце над любимым, когда видит его в бедствии, потому и не может ему не соболезновать и, если может, в том бедствии ему не помочь.

Так Человеколюбивый Бог, видя человека, которого любит, в великом бедствии и погибели, умилосердился над ним и послал Единородного Сына Своего в мир, *спасти* его и *взыскать погибшего* (Мф. 18, 11). А отсюда видим, что не имеют любви к ближнему:

1) те люди, которые какое-нибудь зло ближнему своему делают или хотят сделать;

2) которые о ближнем, находящемся в бедствии, не заботятся. Таковы те богачи, которые свое богатство на прихоти тратят, а бедным людям в бедствии их не помогают. Они любят свои прихоти, а не ближнего своего, а не имея любви к ближнему, и к Богу любви не имеют. Ибо кто ближнего своего не любит, тот и Самого Бога не любит, как в вышесказанном слове замечается.

Возлюбленные христиане! Постараемся христианскую любовь в сердце иметь. Она нас не допустит никакого зла ближнему нашему ни восхотеть и ни сотворить. Она убедит нас богатство наше не на прихоти наши, а на недостатки ближних наших тратить и им во всяком бедствии руку помощи подавать. Будем искренно любить ближних наших и будем истинными, а не ложными христианами. Ибо по этому познается истинный христианин, как учит Господь: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Аминь.

О любви

Господня любовь такова, что Он хочет, чтобы все люди спаслись и вечно были с Ним на Небесах и видели славу Его. Славу эту в полноте мы не ведаем, но Духом Святым отчасти ее разумеем...

Если ты хочешь познать Господа, то смири себя вконец, будь послушлив и воздержан во всем, люби истину, и Господь непременно даст тебе познать Себя Духом Святым, и тогда ты опытом познаешь, что есть любовь к Богу и что есть любовь к человеку. И чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание. Есть любовь малая, есть — средняя, есть и великая.

Кто боится греха, тот любит Бога; кто имеет умиление, тот больше любит; кто имеет в душе свет и радость, тот еще больше любит; а у кого благодать и в душе и в теле, тот имеет совершенную любовь. Такую благодать Дух Святой давал мученикам, и она помогала им мужественно терпеть все страдания.

С тех пор, как Господь Духом Святым дал мне познать любовь Божию, я вот уже сорок лет скорблю о народе Божием.

О, братья, нет ничего лучше любви Божией, когда Господь согреет душу любовью к Богу и ближнему своему.

Велика милость Господня: душа познала Бога — Небесного Отца своего, и плачет, и тужит, зачем я столь много оскорблял Бога, и Господь дает прощение грехов, и радость, и веселие любить своего Творца, и любить ближнего, и плакать за него, дабы Милостивый Господь всякую душу взял к Себе, где уготовал Он место Своими страданиями на кресте.

Кто познал сладость любви Божией, когда душа согрета благодатью и любит Бога и брата своего, тот знает отчасти, что «*Царствие Божие внутри нас*» (Лк. 17, 21).

Преподобный Силуан Афонский

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

БЛАЖЕНИ НИЩИИ ДУХОМ

(глава 5, зачало 10)

На горе Синайской, в безплодных пустынях Аравии, близ Чермного моря, был дан Закон Моисею; на горе Галилейской, поднимающейся из прекрасной, плодоносной долины близ моря Галилейского, возвестил Господь наш Иисус Христос Свой благодатный Закон Евангельский. Закон Моисеев заключал в себе десять заповедей Божиих; Закон Христов заложен в девяти заповедях о блаженствах. В сущности, и тот и другой Закон – один и тот же; Христос Спаситель Сам говорит: *не мните, яко приидох разорити Закон или пророки, не приидох разорити, но исполнити;* но в то же время – какая великая разница между сими двумя Законами!

Суровый Закон Моисеев провозглашен был среди громов и молний, трубным гласом, грозно раздавшимся среди диких утесов пустынной горы. А благодатный Закон Евангельский возвещен миру среди ясного весеннего дня (думают, что нагорная беседа Спасителя произнесена в мае месяце), при тихом веянии прохлады с озера Галилейского на склонах горы, покрытой зеленью и цветами. Там густые, грозные тучи закрывали вершину Синая, глас Бога Невидимого поражал ужасом сердца сынов Израилевых. Здесь сладостно для сердца возвещались глаголы жизни вечной из пречистых уст кроткого и смиренного сердцем Господа Иисуса. Там под страхом смерти никто не смел подойти ближе известной черты к священной горе, которая трепетала от присутствия на ней Самого Бога-Творца и Законодавца; а здесь народ тесною толпою окружал Христа Спасителя, стараясь как можно ближе подойти и хотя бы только прикоснуться к одеждам любвеобильного Чудотворца-Законодавца, и сколько больных исцелилось, сколько страдальцев было утешено Его Божественною, всеобъемлющею любовию, Его всемогущим, всеисцеляющим словом!

Нагорная проповедь Спасителя

Тогда в Ветхом Завете соблюдение Закона ограждалось грозным: *смертию да умрет*. Теперь – как приятно поучает Небесный Учитель! Он не стесняет свободы учеников строгим повелением; не устрашает угрозами; Он только указывает то, чего все ищут: блаженство; потом указывает и путь к сему блаженству: исполнение Его заповедей. Исполнять сии заповеди Он побуждает как нежно любящий Отец, сладостным словом – *блажени* – счастливы: а кто не пожелает себе счастья, блаженства? Истинно блажен тот, кто имеет все доброе и не желает ничего злого, у кого мир в совести, радость в сердце и полная уверенность в будущей блаженной жизни. А все это и обещает Христос исполняющим Его святые заповеди.

Закон Синайский был закон строгой правды; Закон Евангельский – закон Божественной любви. В нем ветхозаветная истина и новозаветная милость соединились, правда и мир облобызались. Но и этого сказать мало – древний Закон говорил: не делай зла; новый Закон говорит: и не думай о зле и мысли о нем к сердцу не подпускай. Тот отсекал плоды зла – этот исторгает самые корни зла, истребляет самое семя его в сердце человека. Древний Закон не давал человеку сил исполнять заповеди – новый благодатный Закон Христов сам в себе заключает животворящую силу Божию, которая может очистить, обновить, возродить исполняющего сии заповеди. Вот почему святые подвижники называют их животворящими: только начни делать все по этим заповедям – и ты сам опытом убедишься, сердцем почувствуешь, как близка к тебе благодать Божия, и уж никогда не расстанешься с этим деланием, ничего не пожалеешь для того, чтобы исполнить заповеди Божии.

Приклоним же, братья мои, в благоговении ухо сердца нашего к животворящим глаголам нашего Господа и Спасителя, приникнем всею душою к Его Божественному учению о блаженствах, как излагает сие учение святой Евангелист Матфей. В его Евангелии сия ***нагорная***, то есть произнесенная на горе, беседа Спасителя изложена полнее, чем у других Евангелистов; он писал свое Евангелие для евреев, а в этой беседе всего лучше видно превосходство ветхозаветного Евангелия над ветхозаветным Законом Моисеевым. Евангелист сказал, что привлекаемые чудесами Божия всемогущества, услаждаемые словом Божественного учения Иисуса Христа, ***по Нем идоша*** – за Ним ходили толпами – ***народи мнози*** – множество народа ***от Галилеи и десятки град*** – из десяти городов, находившихся большею частью за Иорданом, к востоку от моря Галилейского, где особенно много было жителей не природных иудеев, а язычников, и, хотя Господь ходил тог-

да только по Галилее, но приходили к Нему и ***от Иерусалима, и Иудеи, и с другой стороны Иордана***.

Узрев же народы, – продолжает Евангелист, – ***взыде*** Иисус ***на гору,*** чтобы отсюда удобнее было проповедовать множеству народа. ***И седшу Ему,*** – так обыкновенно Он произносил Свои беседы, если они были продолжительны, – ***приступиша к Нему ученицы Его*** – не двенадцать только, но и вообще все те, которые хотели слушать Его учение. В спокойном и благоговейном внимании расположился народ по зеленым склонам горы.

И отверз уста Своя – учил Он и не отверзая уст, когда учил примером святой жизни Своей и чудесами, отверзал Он некогда уста пророкам, а теперь Сам отверз уста Своя, в которых *вся сокровища премудрости и разума сокровенна,* – обращает вначале речь Свою к ученикам, но говорит так, что Его учение делается занимательным и для всех слушателей, и Он простирает дивное слово Свое ко всем, кто желал Его слушать – ***учаше их, глаголя: Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное***. Не те блаженны, которые бедны имуществом, живут безпечно, выпрашивая себе подаяние у христолюбцев, их бедность может быть и от лености, от праздности, не те блаженны, которые смиряются пред людьми лицемерно или поневоле, – *блаженны нищии духом,* смиренные сердцем – те, которые считают сами себя хуже всякого грешника, которые ничего не видят в себе, кроме грехов, кроме своей духовной немощи, которые сознают слабость ума человеческого и в простоте сердца верят слову Божию, которые чувствуют свою безпомощность и прибегают к Богу, и у Него искренно просят благодатной помощи, как нищие просят у богатых милостыни. Такими нищими могут быть и бедные, и богатые. Бедные, когда с благодарностью к Богу несут крест нищеты своей, трудятся по мере сил и только по необходимой нужде просят у ближних помощи; а богатые, когда считают себя не владыками, а только приставниками у благ земных, Богом им вверенных, не гордятся своим богатством и употребляют это богатство во славу Божию и на пользу ближнему.

Богат был Авраам, но говорил о себе: *аз же есмь земля и пепел;* царем был Давид, но смиренно взывал к Богу: *аз же есмь червь, а не человек; нищ и убог есмь аз.* Так смиренные сердцем – и бедные и богатые, и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, – все стяжавшие добродетель смирения, воистину блаженны, потому что им принадлежит Царство Небесное. *Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит.* Еще здесь, на земле, они ощущают в сердце благодатный мир и радость, о которых люди гордые и понятия не имеют. А в будущей жизни их ожидает Царство Небесное, уготованное от сложения мира.

И воистину нет ничего в очах Божиих дороже смирения: смирение, по учению святых отцов, и одно может спасти человека, хотя и с трудом; а без смирения нет и спасения, потому что ни одна добродетель без него не может быть угодна Богу и спасительна для человека. Вот почему Господь прежде всего ублажает смиренных сердцем. Все бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости, сам диавол сделался диаволом от гордости, и Адам возгордился, надеясь быть богом, и сделался смертным. Гордость есть источник всякого нечестия. Вот почему Христос Спаситель прежде всего с корнем исторгает ее из сердца человеческого, а смирение полагает как крепкий камень, на котором можно уже безопасно созидать все прочие добродетели.

«Когда не будет этого основания, – говорит святой Златоуст, – то хотя бы отличался ты постом, молитвой, милостынею, целомудрием, хотя бы имел ты все другие добродетели, – все это без смирения разрушится и погибнет. Так и случилось с фарисеем».

Вот три главные признака истинного смирения, которые указывает святой Иоанн Лествичник:

первое, когда душа с радостию принимает всякое уничижение, как врачевство, исцеляющее ее недуги греховные;

второе, когда ни на что и ни на кого не гневается;

и третье, когда вовсе не верит своим добродетелям и постоянно желает научаться.

Нужно ли приводить примеры боголюбезного смирения? Смиренны были все святые Божии; но высочайший образец смирения показал нам Господь наш Иисус Христос в Себе Самом: *научитеся от Мене,* – говорит Он, – *яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим.* Если Он, Безгрешный, так смирял Себя по человечеству, то нам ли, грешным, гордиться? Велико было и смирение Его Пречистой Матери: *призрел Господь,* –говорит Она Сама о Себе, – *на смирение рабы Своея.* Если и сия Богоизбранная от всего рода человеческого Приснодева так смиренно о Себе помышляла: то кто мы, чтобы думать нам о себе высоко?..

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.
(печатается в сокращении)

Нищета духовная

— ... Не те нищи духом, кои отреклись от мира и терпят только внешнюю нищету, но те, кои оставили всякое зло и непрестанно алчут и жаждут памятования о Боге.

Прп. авва Исаия

— Возлюби нищету Христову, чтобы там обогатиться тебе Христовым Божеством.

Прп. Ефрем Сирин

— Худое стяжание — сребролюбие, поэтому погубим его; худой запас — злопамятство, поэтому отбросим его; пагубное приобретение — невоздержное похотение, им-то более, нежели чем другим, обнищеам, чтобы такою нищетою приобрести себе Царство: ибо «*блажени нищии духом*» (Мф. 5, 3), то есть обедневшие таким богатством.

Свт. Григорий Нисский

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 27

Из воспоминаний схимонахини Елисаветы

(часть 2)

Из рассказов Батюшки о себе. Детство

Отец Виталий много рассказывал нам о себе, о своей жизни, о детстве:

– Вот мать уйдет на работу в колхоз, а меня, маленького, посадит на порожке, и я сижу – голодный, холодный – а не плачу...

Когда мальчик немного подрос, его тоже определили в колхоз на работу. Но появлялся он там не всегда: Виталий с детства очень любил ходить к бедным, больным – помогать, ухаживать за ними. А по праздникам обязательно бегал в церковь на службу.

– И вот приду, – рассказывал Батюшка, – получать трудодни, а мне бригадир говорит: «Галки съели весь твой заработок», – колхозников на работе каждый день отмечали и, если кто не приходил, напротив фамилии ставили «галочку».

Когда Виталий научился читать, то очень полюбил Божественные книги. Читал обычно ночами на чердаке со свечкой, за что получал от матери, как он говорил, «хорошего леща» (т.е. пощечины), потому что, во-первых, свечка стоила денег, а, во-вторых, мать боялась, что по неосторожности сына может случиться пожар.

Когда Виталию исполнилось восемь лет, он пошел в школу. Но тяга к Божественному заставляла его неизменно носить с собой Евангелие даже туда. В свободное от уроков время, тайком от учителей, читал он Священное Писание одноклассникам. Многие из них впоследствии посвятили жизнь свою Богу...

В 14 лет Виталий по благословению Матери Божией ушел из дома в мир странничать. Его искали, допрашивали мать:

– Где твой сын?! Дезертир?! – ведь каждый мальчик был военнообязанным.

Отец Виталий говорил: «Моей маме тогда тоже очень много пришлось потерпеть от властей».

С самого детства Батюшка находился под покровительством Богородицы. Напрямую он не говорил, но из его речей можно было понять, что Матерь Божия неоднократно являлась ему и беседовала с ним.

Как-то Батюшка рассказал, что с ранней юности он очень не любил женский пол (это из-за того, я

полагаю, что он был девственником и ревностно относился к своему целомудрию), но Матерь Божия явилась ему и сказала: «Ты будешь пасти женское стадо...»

Странничество

В странствиях прошло несколько лет. Батюшка рассказывал: «Я тогда всю Россию обошел». Он пытался сходить и в Иерусалим, но на границе его остановили, обнаружили, что у него нет документов, забрали в участок, избили...

Его часто арестовывали и избивали, ломали кости и ребра. Бедренная кость у него была поломана, перебита, и под кожей двигались ее осколки. Незадолго до смерти у него начался остеомиелит: в том месте, где было перебито, все воспалилось, загноилось, и из чирья начали выходить косточки.

Помню, Батюшка рассказывал нам, как он странничал:

– Я часто голодал. Раз подошел к одной молодице с ребеночком на руках и попросил: «Нет ли у Вас хоть кусочка хлеба?» Она вынесла мне хлебушка, а он – в детских нечистотах. А я по своей натуре был с детства брезгливый. Но пришлось скушать...

Отец Виталий описывал отношение людей к странникам:

– К одному, – говорит, – духовному лицу пришел как-то раз, стою. Вышел этот человек. Я прошу: «Благословите меня!» Он говорит своим келейникам: «Подайте ему денег». Я стоял, стоял... долго стоял. Потом кто-то из келейников вынес мне пачку соли: «Смиряйся!..» Но это еще хорошо. А иногда бывало хуже: кто «леща» даст, кто как... Господь, конечно, помогал...

«Матерь Божия дала мне новые легкие»

В 21 год отец Виталий пришел в Таганрог. К тому времени он был сильно болен – у него был туберкулез легких. Его положили в больницу: он уже кровью харкал. Сказали, что не жилец, но все же начали лечить... А потом вдруг он объявил врачам:

– У меня легкие чистые.

Те сделали снимок и не поверили:

– Это совсем не тот пациент! Вы показываете снимки другого человека!

Отец Виталий потом говорил нам: «Матерь Божия дала мне новые легкие».

Незабываемая Пасха

Однажды в Таганроге отца Виталия избили. В безсознательном состоянии привезли его в больницу. Врач посмотрел и говорит: «Вы мне покойника привезли – он уже умер. Несите в морг».

А там одна санитарочка работала, которая знала отца Виталия. Она заплакала и говорит:

– Доктор, ну давайте хоть до утра его положим на кровать! Пусть полежит! А утром, если что – в морг вынесем.

Доктор ей:

– Ни в коем случае! С меня же спросят! Мне ж отвечать придется, если узнают, что я покойника принял! В морг – и никаких разговоров!

Отнесли в морг, оставили на всю ночь. А была Пасха. Санитарочка всю ночь проплакала, а утром уговорила доктора сходить посмотреть отца Виталия:

– Доктор, это ж все-таки мой знакомый!

Подходят к моргу, открывают дверь, а Батюшка оттуда: «Христос воскресе!» – и запел пасхальный канон. Доктор чуть сознание не потерял:

– Не может быть, чтоб покойник встал!!!

Так Господь наш Иисус Христос «смертию смерть поправый и сущим во гробех живот даровавый» в день Своего Светлого Воскресения даровал паче чаяния жизнь рабу Своему Виталию – на радость всем нам...

Страдалец Христа ради

После Таганрога отец Виталий попал в пустыню. А через десять лет по благословению старцев приехал в Тбилиси. Расскажу о его страданиях, свидетелем которых мне довелось быть...

Во время предсмертной болезни отца Виталия я приходила к нему каждый день: узнать, вдруг у него будет какое-либо поручение для меня, да и как медик справиться о состоянии его здоровья.

Помню, с разрешения матушки Марии, сестры по очереди массажировали ему ножки. И я тоже. У отца Виталия на щиколотках были темные пятна примерно сантиметров пяти в диаметре: когда во время странствований приходилось сидеть на земле, он всегда подгибал под себя ногу, чтоб было не так холодно, и, видно, где-то простыл – вот след и остался.

Когда Батюшке стало уже совсем плохо, мы повезли его в госпиталь. Там взяли анализы. (Кстати, интересно, что у всех великих людей бывают свои слабости – отец Виталий мог терпеть сильнейшие боли, но боялся, когда брали анализ крови или делали укол в вену. Видно было, что ему не по себе...) Содержание азота у него оказалось 500, а в норме должно быть 35-39. Начали обследовать дальше, сделали рентген.

Я тогда очень удивилась. В свое время у отца Виталия подозревали рак желудка, мать Мария отпаивала его чемерицей, сделали операцию: желудок полностью удалили и прямо от пищевода подшили кишку в виде петли – это и был его, так называемый, «сконструированный» желудок. Но когда сделали рентгеновские снимки, то на них все оказалось чисто. Я не поверила:

– Да не может быть! Он прооперировался по поводу рака – полнейшая ампутация желудка!

Мне отвечают:

– Ну, посмотри – видишь: даже метастазов нигде нет, – то есть снова, как и в случае с туберкулезом, произошло когда-то в свое время исцеление...

Анализы, сделанные в госпитале, показали, что у Батюшки полностью повреждены почки: от них осталась одна оболочка. А ткань, которой обычно наполнены здоровые органы, почти отсутствовала (как говорил сам отец Виталий, одна почка у него «отболела» – перестала функционировать, а вторая едва «тянула»). У отца Виталия была так называемая азотемическая уремия: плохая работа почек, высокое содержание азота в организме, вследствие этого – высокое давление, головные боли. Шло отравление организма азотом. Поэтому позже и наступила парализация. Счастье еще, что Батюшка находился в сознании – обычно при парализации такие больные пребывают в безсознательном состоянии.

Когда мы показали анализы и снимки врачу, он сказал:

– Да, очень жаль. Его бы могла спасти только пересадка почки, но, во-первых, он не выдержит операции, а, во-вторых, никто из врачей не возьмется ее делать...

Во время болезни Батюшка старался, чтобы никто не заметил, как ему было больно – терпел, что называется, «до последнего». Но если уж боли были очень сильные, он открывал рот или, чтобы не стонать, напевал что-нибудь вроде «до-ля-фа».

Помню, еще до того, как отец Виталий окончательно слег, он часто говорил: «Вот что это такое со мной делается? Помою руки, похожу немножко и – ставлю свечи или не ставлю – снова на ладонях скатывается что-то такое, как грязь». Это было выделение азота.

Последние дни. Умер послушником

Перед тем, как отца Виталия парализовало, он выразил желание вымыться. А и с газом, и со светом, и с горячей водой – со всем этим в то время уже были проблемы. Пока наполнили кастрюлю, поставили греть... Батюшка прибежит, посмотрит:

– Что-то долго греется...

Потом говорит:

– Не пойму – что-то у меня во рту с языком делается...

Я не поняла. А когда в очередной раз вошла в его комнату, то увидела, что отец Виталий уже лежит на полу...

Парализованным Батюшка пролежал девять дней. Все это время у него были сильнейшие боли, потому что давление – 240/140, вены – в палец толщиной. Чтобы как-то облегчить его страдания, мы протирали отца Виталия святой водой. Он все это время был в полном сознании, хотя и не мог ничего сказать – объяснялся с нами знаками. Правая сторона у него отнялась, и благословлял он левой рукой. Временами почти совсем пропадало зрение.

Все это время я была с Батюшкой неотлучно – он никуда не благословлял выходить из квартиры. Если что-то было нужно, я спрашивала: «Отец Виталий, благослови вот туда-то?» Сделать самое необходимое он, конечно, разрешал. А съездить, например, за лекарствами – нет. Приходилось писать на бумажке название, объяснять, где оно находится, – и за лекарствами или за иными нуждами отправляли какую-нибудь другую сестру.

Потом Батюшке стало совсем плохо. Где-то в девять утра приступ повторился. Пришла врач Патриарха – мать Елена. Весь этот день мы все время протирали отца Виталия святой водой: очень уж высокое давление у него поднялось, вены пульсировали – видно, Батюшке было очень больно. А святой водой протрем – и ему становилось немного легче.

Когда отец Виталий сползал на кровати с подушек вниз, я поднимала его обратно. В очередной раз, когда я его приподняла, он здоровой рукой взялся за крестик на четках, висевших на моей шее, и поцеловал его в знак благодарности. Это было часа за два до смерти.

После этого мать Мария чуть не насильно усадила нас за стол, чтобы мы поели. Я отказывалась, так как видела: Батюшка уже на грани. Я боялась, что он отойдет, пока мы будем кушать. Но все же, по настоянию матушки, пошла. Перед тем, как выйти из комнаты, я подошла к Батюшке:

– Отец Виталий, ты ж меня дождись!

Он моргнул глазами – мол, обещаю. Благословил нас на трапезу. Лишь только мы быстренько поели и вернулись к нему, он благословил нас, почти тут же сделал несколько выдохов и отошел. И сразу сделался как бы восковым – беленьким. Так до самой смерти Батюшка послушником и остался: я просила его дождаться, пока мы поедим – и даже это, казалось бы, малое послушание он выполнил.

Сразу все упали перед батюшкиной кроватью на колени, начали просить у него прощения, плакать... Немедленно позвонили Святейшему. Мать Мария послала меня за священником, который каждый день причащал Батюшку – за отцом Вячеславом (впоследствии – архимандрит Варсонофий; ныне уже покойный). Когда он пришел, мы начали обтирать и одевать отца Виталия. Когда облачили его в нижнюю рубашечку с пояском, то увидели, какой же он худенький. Батюшка с детства себя все время изнурял. У них в семье все были большого роста, богатырского телосложения – и бабушка Агриппина, и мама, и сестра Валентина. А отец Виталий себя как бы иссушил и стал щупленьким, тоненьким.

Когда его одели – перенесли в комнату и тут же начали служить литию. Приехал кто-то из патриархии... Всю ночь Батюшка был в квартире, а утром его отвезли в храм.

Девять дней после смерти о. Виталия. Духовные чада у его могилки.

Посмертные утешения. «За слезы сестер...»

Скорбь, конечно, у всех была великая. Но одновременно чувствовалось и какое-то необычайное, особое состояние, душевный подъем. Все пять дней и ночей, пока отец Виталий находился в храме в гробу, на всех подсвечниках горели свечи. Это тоже придавало особую торжественность.

Помню, некоторые сестры после смерти Батюшки начали говорить, что отец Виталий еще должен был жить, что он раньше ушел. А отец Иннокентий (у которого Батюшка жил в Сергиевом Посаде в 1978-м году после операции) тогда сказал: «Мы еще должны быть благодарны Богу за то, что Он продлил отцу Виталию жизнь – ему Господь еще 14 лет после операции дал, а ведь он должен был во время операции отойти ко Господу...»

На похороны Батюшки приехало очень много народа. И среди них Лариса – сестра той самой Раисы, с которой я в первый раз приехала к отцу Виталию. Она рассказывала, что Батюшка незадолго до смерти говорил ей: «За слезы сестер и для верных я из гроба руку протяну». Но как это – непонятно. И ей никто не поверил. Мать Мария сказала: «Это что-то Лариска выдумывает».

И вот на похоронах, когда надо было давать разрешительную грамоту, Святейший прочел ее и передал отцу Павлу (секретарю Владыки Зиновия), чтобы он вложил ее в руку отца Виталия. У изголовья гроба стояли мы с Ларисой. А отец Павел подошел с левой стороны. Но только он взял руку Батюшки, как тот сам разжал ее, взял грамоту и снова потихоньку закрыл руку. Отец Павел от неожиданности закричал: «Сам открыл! Сам взял!» – и с испугу оперся рукой о гроб, чтобы не упасть. Он очень полный, и если бы гроб стоял на стульях, отец Павел, наверно бы, его перевернул. Священники, что были около гроба, головами покачали, Святейший только бровью повел. А по церкви понеслось: «Сам!.. Взял!.. Взял!..» – все видели, что произошло. Отец Виталий повторил чудо святого благоверного князя Александра Невского, под день памяти которого его хоронили.

А перед этим, когда отец Павел со своей матушкой Серафимой ехали на похороны, мать Серафима торопила его:

– Быстрей, быстрей!

Но он ответил жене:

– Подумаешь – обычного священника хороним! – хотя отец Павел и любил Батюшку, но, видать, недооценивал его.

Мать Серафима возразила:

– Да не обычного!..

Вот отец Павел на похоронах и убедился, насколько права была его матушка...

А Лариса после этого радовалась: «Сбылось предсказание отца Виталия! Я же вам говорила, а вы не верили!»

На могиле

Помню, когда Батюшку похоронили, я сразу же убежала на послушание (ведь это все было накануне празднования в честь святого Александра Невского).[1] Потом пришла вечером – сумерки, свежая могила с крестом, а на ней цветы и свечи, свечи... Вся могила в свечах! Так и стоит это в глазах до сих пор. Незабываемое состояние.

Люди и по сей день ходят к отцу Виталию. Рассказывают, что одна раба Божия пришла, приложилась к его могилке, а от могилы изошел невещественный огонь...

А в другой раз прихожу с сестрами на кладбище – там, у могилы Батюшки, стоит моя знакомая. Она, в общем-то, верующая, но, как и большинство людей, верит только, что Бог есть, знает, что на Пасху куличи святят, на Крещение в храм за водой ходят – и все. И вот подходим – она оборачивается и, заметив меня, в сильном волнении восклицает:

– Ты представляешь, ты представляешь...?! Я просто поставила свечи! А они – ты поверишь мне?! – сами загорелись!..

На могиле у креста отца Виталия стоит закрытая лампада и что-то вроде подсвечника – там горели свечи. Но эта женщина поставила свои свечи не туда, а на саму могилу – просто воткнула в землю в ногах Батюшки. И вдруг увидела, что ее свечи тоже вспыхнули! Для нее это было так удивительно, что она думала, что я не поверю ей. Говорит:

– Ведь нормальный человек не поверит, скажет, что у меня с головой не все в порядке!

Я отвечаю ей:

– Так это ж (то, что произошло со свечами) нормально! А ненормальные мы, поэтому и не верим.

Мы и своими глазами подобное видели, и другие рассказывали. Таких чудес происходит немало, всего и не вспомнишь. Многие приезжают и говорят, что на могиле Батюшки благодать лечит.

Одна раба Божия рассказывала, что у нее отнимались руки:

– Даже ничего взять не могла. Иду тогда к Батюшке, кладу руки на могилку. Говорю: «Отец Виталий, помогай!»

И таким образом правой рукой она владела.

«Жизнь всем одинаково дана...»

К сожалению, многие местные священники не признают отца Виталия. Не признают и чудес, совершающихся на его могиле, живого его ревновали и мертвого ревнуют:

– Вот идут на эту могилу все время!.. Идут как к истукану!

Один архимандрит, помню, возмущался:

– Ну, я еще понимаю – крест можно целовать! А как можно целовать камень?!

Я отвечаю:

– На этом камне ведь тоже крест нарисован...

А мать Серафима (жена отца Павла) прибавила:

– Почему кланяюсь и почему этот камень целую – я тебе объясню: я сама многому была свидетелем!

Но им трудно было объяснить...

Как-то пришла я к отцу Варсонофию (он уже в то время плохой был – два или три месяца до смерти болел), принесла саженцы орехов и говорю: «Батюшка, пойдем, посадим около отца деревья...» Пошли, посадили. Выходит один и говорит:

– Какой дурак фруктовые деревья сажает около могил?!

Орешник принялся, дал ростки, но его потом все равно сломали и выдернули с корнем. Я, конечно, очень скорбела, спросила у отца Варсонофия:

– Батюшка, что ж это такое? Что за искушение? Почему такая ненависть, нетерпимость?

Он ответил:

– Ну, как же тут можно терпеть? Это ведь лежит ОГРОМНЫЙ УКОР нам всем: ведь жизнь всем одинаково дана, но отец Виталий почему-то всё исполнил, всё совершил, а мы этого не совершили...

[1] Престольный праздник храма, в ограде которого похоронили отца Виталия *(прим. ред.)*.

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные радосте наши папа, мама, детки и все о Господе присные! Дух Святый да почиет на вас, *врачуя немощная, восполняя оскудевающая.*

Сдвиги есть – это безпрестанная молитва: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных,* отсечение своей воли, память смертная, слезы покаяния, молчание о Господе, служение больным, сиротам, вдовам.

Дух Святый рек во Святом Писании: *многи скорби праведным и от всех их избавит я Господь.* Во Святом Евангелии Иисус Христос рече: *будите, яко дети.* А им, детям, нечего заботиться, потому что все заботы лежат на родителях. А верующей душе рече Господь: *возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитает,* ибо без воли Его и волос с головы не падет. Как дивно и чудодейственно хранит Господь и печется о детях, а вы – дети Его. Да благословит вас Господь, Ему слава. Аминь.

Челом Вам до лица земли, целуя стопы ваши. Христос посреди нас.

Благословите, благодарим, спасайтесь, простите.

О ЛЮБВИ И ЕДИНОМЫСЛИИ

Часть 2

Вопрос: *Мы говорили о бесовских кознях – их роли в разорении мирного жития. Но разве не существует между людьми обыкновенных столкновений с их «человеческой правдой», которая не может обойтись без конфликтов?*

Ответ: Во-первых, люди-христиане должны всегда искать правду Божию, а не человеческую, как говорит об этом Старец Паисий Святогорец – у него есть очень хорошая статья на эту тему.[1] Однако если мы даже и какую-то божественную правду отстаиваем, то все равно должны отстаивать ее в мирном духе, а не «с пеной у рта», потому что, как сказано, *«гнев мужа правды Божия не соделовает»* (Иак. 1, 20).

Но мы говорим сейчас не об этом – не о проявлении различных страстей, а о том, что враг-диавол мутит наши христианские отношения, разрушает наш душевный мир на каждом шагу, и это – факт. Враг очень старается, чтобы мы потеряли душевный мир под всяким, даже самым незначительным, предлогом. Если этого не знать, то мы будем вовсе не искусны в брани.

Если говорить о человеческой стороне, то она, конечно, присутствует в любой конфликтной ситуации – свободная человеческая воля всегда виновна в том или ином смущении, в том или ином грехе. Но, как сказано у святых отцов, – никакое зло не совершается без участия демонов, так же как и доброе дело не совершается без помощи благодати Духа Святаго (о чем Сам Господь сказал: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15, 5) – ничего доброго). Это нужно иметь в виду, чтобы не потерять духовной трезвости.

Вопрос: *Но человек ведь тоже несет ответственность за конфликт?*

Ответ: Человек, как свободная личность, имеет свободную волю и склоняет ее или к добру, или ко злу. Потому он непременно несет ответственность за всякое содеянное им зло. Ну, а что послужило первым толчком к этому греху (конфликту в данном случае) – не столь важно... не имеет значения, вражья ли это кознь или человеческая немощь.

Вопрос: *Почему?*

Ответ: Потому что самооправдание только увеличивает христианину тяжесть, а самоохуждение и покаяние освобождают душу от греха и осуждения за него.

Самооправдание – это очень серьезный недуг. Святитель Григорий Палама говорит, что «самооправдание – это гортань адова». А Старец Паисий Святогорец называет его «сатанинским толкованием», которое всё перетолковывает на свой лад.

Увы – последнее время все чаще и чаще приходится сталкиваться с проявлениями этой страсти. И ее аргументация порой такова, что приходится только удивляться. Приведу для наглядности рассказ одной женщины, которая, будучи сама православной христианкой, никак не могла осмыслить некоторые «особенности» поведения современных верующих.

«Не понимаю, – говорила она, – почему современные христиане так любят себя жалеть? Говорят: "Я бедный, столько терплю! Вот он – не христианин, к нему бесы не подходят, так как он и без того не спасается. А я христианин, поэтому на меня бесы наваливаются – ведь меня же нужно погубить! У меня бесовских приражений в сто раз больше, чем у него, я несчастней, чем он – неверующий..." И поди сдвинь этого "борца" с его позиций... С такими людьми иметь дело хуже всего. Потому что при невыполнении любых каких-то своих обязательств, у них включается самооправдание, и самый главный аргумент – "бес попутал, я не виноват".

Это проявляется во всем, даже в мелочах. Взять, к примеру, семейный сюжет. Самый простой. У

---

[1] См. «Блаженной памяти Старец Паисий Святогорец. Слова. Том 3. Духовная борьба», часть 2-я «О справедливости и несправедливости» *(прим. ред).*

нас с мужем "стычка" по поводу ключей. Нужны ключи, а их на обычном месте нет. Спрашиваю:

– Где ключи?

Говорит:

– Не знаю. Вот искушение!

Не выдерживаю:

– Дать бы тебе этим "искушением"!.. Какое "искушение"?! На место ключи положи и никакого "искушения" не будет!

– Ну вот... вечно я виноват... вечно вы меня грызете...

– Мы тебя грызем потому, что есть место для ключей!

К сожалению, в православных семьях такие ссоры значительно сильней и глубже, чем в неправославных. И это, наверное, потому, что у неверующих нет оправданий "искушением". Там говорят: "Ну забыл, ну потерял". А тут: "Бес попутал, искушение". Все себя жалеют: "Не я, а бес... это не я, а это мне такое искушение – я терплю брань от врага, жалейте меня все!"

Верующий, если поругался на рынке, будет думать, что это ему "искушение" за какое-то доброе дело. А если неверующий поругался, он думает: "И зачем мне это надо было – ругаться? Только настроение себе испортил". Понимаете как? Верующий уверен: "Я веду брань с бесом".

Непонятно: почему христиане так любят оправдываться?.. Вот большинство неверующих людей – они гораздо более ответственны. Первым встанет и уступит место в трамвае старушке неверующий, а верующий будет сидеть и думать, что он отстоял всю службу, и у него ноги болят...»

Слушая эти рассуждения, мне подумалось: насколько все-таки лукав и изощрен враг – одним ударом он пытается поразить сразу несколько целей. Христос заповедал нам: «*По тому узнают все, что вы – ученики Мои, если будете иметь любовь между собою... Вы – соль земли*» (см. Ин. 13, 35 и Мф. 5, 13). А мы?.. Мы порой, считая себя чуть ли не святыми, представляем для окружающих только один соблазн.

Но все-таки попытаемся осмыслить факт, почему люди, которые обратились к вере, начинают себя жалеть и всячески оправдывать. В этом есть глубокая духовная причина.

Человек, вставши на путь веры, своей свободной волей вступает в ряды борцов против демонического лагеря. И потому естественно, что на него нападений больше. Ну, как на войне обычной. Линия фронта может быть большая, тянуться километ-

ры. Но если с какой-то точки стреляют, следовательно, на эту точку с ответной стороны нападений будет больше. Где перестрелка идет изредка, там как-то сохраняется затишье, а где идет нападение, там вызывается ответный огонь. Вот так и в духовной брани. Христианин во святом крещении отрекся от сатаны и всех дел его и сочетался Христу.[2] Конечно же, сатана хочет добиться того, чтобы человек оказал неверность Христу своими делами. Ведь в нарушении заповедей есть отречение от Христа – как сказано у апостола Павла, что некоторые христиане говорят, что они знают Бога, а делами отрекаются от Него (ср.: Тит. 1, 16) – т.е. поступают не так, как заповедал Христос, противно заповедям.

Итак, добиться отречения от Христа делами – вожделенная цель диавола. Вот потому-то на тех людей, которые крестились, которые сочетались Христу, идет особо тяжкая брань, идут в ход все виды оружия. А оружие самое сильное, самое благоприятное – это самооправдание. Сатана знает, что если его развить в человеке, то, следовательно, всё остальное уже сдастся без боя. Поэтому для врага не имеет значения, чем оправдывается человек, пусть даже «борьбой с диаволом»...

Вопрос: *Но мы же крестились, мы же к Богу пришли! Они – неверующие – не пришли к Богу, у них тоже «нападения», но у них и помощи меньше. А мы-то пришли... Где же помощь Божия?*

Ответ: Ее еще нужно суметь сохранить. Сохраняется же она посредством исполнения заповедей. А если мы нарушили одни, другие, третьи заповеди, то благодатная помощь, полученная в крещении, уменьшается. В особенности она уменьшается от самооправдания и эгоизма. Она засыпается, как уголь в печке под слоем пепла, – только теплится немного, и все. А уж пламени как такового, энергии как таковой, чтобы мы могли сопротивляться страстям и бесам – этого уже нет. Оставление это продолжается до тех пор, пока мы не осознаем своего окаянства, пока не смиримся, не поймем, что мы – хуже неверующих. А оно так на самом деле и есть – как написано у преподобного Симеона Нового Богослова.

Вопрос: *Но не все ж это видят...*

Ответ: Да, не все – особенно гордые и самолюбивые. Но мы это знать обязаны – хоть в какой-то степени. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит, что «если мы не исполняем заповедей Христовых, то мы, будучи христианами, хуже неверных, и будем наказаны строже их»...

Как вышеупомянутая женщина говорила: «Верующий, если поругался на рынке, будет думать, что Господь послал ему "искушение" за какое-то доброе дело. А если неверующий поругался, он думает: "И зачем мне надо было ругаться? Только настроение себе испортил"...» Спрашивается: у этого «верующего» человека после случившегося какое может быть «досто-

---

[2] См. чинопоследование таинства св. крещения, «во еже сотворити оглашенного»: «Священник глаголет: "Отрицаешилися сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его?" И отвещает оглашенный [т.е. приготовляемый ко крещению], или восприемник его: "Отрицаюся" ...И глаголет ему священник: "Сочетаваешилися Христу?" И отвещает оглашенный или восприемник, глаголя: "Сочетаваюся"» *(прим. ред.)*.

инство», – пусть он всю службу в храме отстоял, – если не только поругался с кем-то, но даже и чувства покаяния у него не возникло? Да какое там покаяние!.. У него все кругом виноваты: люди – что искусили его; бесы – что подсунули ему искушение; Господь – что это искушение попустил... У неверующего в этом случае гораздо меньше вины, когда он просто подумал: «И зачем мне надо было ругаться?» А теперь рассудите сами: если мы так поступаем, кто мы есть на самом деле? Конечно, хуже неверующих. А если еще учесть грех тщеславия – дескать, «я всю службу отстоял»; осуждение: «вот они такие-сякие – в храм не ходят, весь день на рынке сидят»; да еще соблазн от несмиренного, нелюбовного поведения... ведь люди скажут: «Мы думали, что христиане тихие, мирные, кроткие, а они смотри какие!..» Ну, и что в итоге? Горе нам, таким «верующим», да и всё. Только плакать и рыдать можно...

Так что мы ДОЛЖНЫ это знать. А от знания, если будем стараться, постепенно придем и в чувство своей негодности, увидим, ЧТО мы представляем собой на самом деле. И тогда воздохнем и восплачемся: «Господи, я-то думал, что я и впрямь чуть ли не избранник, а я, оказывается... такое барахло, что хуже всякого неверующего – язычника или коммуниста».

Тогда Господь, видя, что человек правильно о себе рассудил, подаст и силу: «Ну, в таком случае, дам тебе помощь, теперь делай то или иное дело».

Вот насколько важна в деле духовной брани борьба с самооправданием – чтобы не перекладывать ответственности за свои грехи ни на кого – ни на людей, ни на бесов. Человек, если поймет и усвоит себе это, то и конфликтов у него в жизни будет гораздо меньше.

Моя вина

И. Ильин

Нет, я еще не научился распознавать и нести свою вину. Мне надо для этого мужества и смирения. Но, может быть, я однажды еще достигну этого.

Как тягостно, подчас мучительно трудно бывает установить и признать свою вину. Душа начинает безпокойно метаться, а потом просто ожесточается и не желает видеть правду. Хочется непременно оправдать себя, отвергнуть свою виновность, свалить вину на другого или на других, а главное – доказать не только другим людям, но и себе самому, да, именно самому себе, что "я тут ни при чем" и что я нисколько не виноват в этом. Виноваты все окружающие, в конечном счете, – весь мир, но только не я, а враги и друзья, природа и человек, родители и воспитатели, несчастное стечение обстоятельств и тяжелые условия, "среда" и "влияние", небо и ад, но не я! И это можно доказать, и это необходимо удостоверить, потому что в этом "не может быть никакого сомнения"...

Ах, эта предательская "потребность" в самооправдании... Она-то и выдает меня с головой... Эта погоня за доказательствами... Зачем они мне, если я твердо и окончательно уверен, что я "тут ни при чем"? Кто же требует от меня доказательств? Кто заподозревает меня, если не я сам? Но это свидетельствует лишь о том, что в глубине души я все-таки считаю себя виноватым; что есть некий тихий голос, который тайно твердит мне об этом и не оставляет меня в покое...

И вдруг, под влиянием этих неожиданных соображений, мое бегство от собственной вины прекращается... Конец малодушной тревоге. Я готов примириться с мыслью о своей виновности, исследовать, в чем именно я виноват, и признать свою вину. Ведь эта трусость многих уже запутала в тяжелые внутренние противоречия, в раздор с самим собою, в раздвоение личности, а иных доводила до галлюцинаций. Но я готов. Пусть говорит мой обвинитель.

Да, нужно мужество, чтобы спокойно исследовать свою вину и не искать спасения от нее в бегстве. И еще нужно смирение. Если человек не переоценивает своих сил и своих качеств, если он не кажется сам себе "умнейшей" и "добрейшей" личностью, то он будет всегда готов предположить свою вину... Кто из вас свободен от небезупречных желаний и побуждений? Кто из нас прав от рождения и свят от утробы матери?..

Нет, мне надо еще научиться тому, что есть вина, и как ее распознавать и нести в жизни. Как же научиться этому?

Прежде всего надо удостовериться в том, что все люди, без исключения, пока они живут на земле, соучаствуют во всеобщей мировой вине, желанием и нежеланием, но также и безволием, и трусливым уклонением от волевого решения; деланием и неделанием, но также и полуделанием или пилатовским "умовением рук"; чувствами и мыслями, но также и деревянным безчувствием и тупым безсмыслием. Мы соучаствуем в вине всего мира – непосредственно и через посредство других, обиженных или зараженных нами, и через посредство третьих, неизвестных нам, но воспринявших наше дурное влияние. Ибо все человечество живет как бы в едином сплошном духовном эфире, который всех нас включает в себя и связует нас друг с другом. Мы как бы вдыхаем и выдыхаем этот общий духовный воздух бытия; и посылаем в него свои "волны" или "лучи" даже и тогда, когда не думаем об этом и не хотим этого, и воспринимаем из него чужие лучи, даже тогда, когда ничего не знаем об этом. Каждая лукавая мысль, каждое ненавистное чувство, каждое злое желание – незримо отравляют этот духовный воздух мира и передаются через него дальше и дальше. И каждая искра чистой любви, каждое благое движение воли, каждая одинокая и безсловесная молитва, каждый сердечный и совестный помысл – излучается в эту общую жизненную среду и несет с собою свет, теплоту и очищение...

Вот почему на свете нет "виновных" и "невинных" людей. Есть лишь такие, которые знают о своей виновности и умеют нести свою и общемировую вину, и такие, которые в слепоте своей не знают об этом и стараются вообразить себе и изобразить другим свою мнимую невинность.

Первые имеют достаточно мужества и смирения, чтобы не закрывать себе глаза на свою вину. Они знают истинное положение в мире, знают об общей связанности всех людей и стараются очищать и обезвреживать посылаемые ими духовные лучи. Они стараются не отравлять, не заражать духовный воздух мира, наоборот – давать ему свет и тепло. Они помнят о своей виновности и ищут верного познания ее, чтобы гасить ее дурное воздействие и не увеличивать ее тяжесть. Они думают о ней спокойно и достойно, не впадая в аффектацию преувеличения и не погрязая в мелочах. Их самопознание служит миру и всегда готово служить ему. Это – носители мировой вины, очищающие мир и укрепляющие его духовную ткань.

А другие – вечные беглецы, безнадежно "спасающиеся" от своей вины... Они воображают, что отвечают лишь за то, что они обдуманно и намеренно осуществили во внешней жизни, и не знают ничего о едином мировом эфире и об общей мировой вине, в которой все нити сплелись в нерасплетаемое единство. Они ищут покоя в своей мнимой невинности, которая им, как и всем остальным людям, раз и навсегда недоступна. Как умно и последовательно они размышляют, как изумительна их сила суждения, когда они обличают своих ближних, показывают их ошибки, обвиняют их, пригвождают их к позорному столбу... И все потому, что им чудится, будто они тем самым оправдывают себя. Но как только дело коснется их самих, так они тотчас становятся близоруки, подслеповаты, наивны и глупы. И если бы они знали, как они вредят этим себе и миру... Они стремятся доказать себе, что они сами "очень хороши" и "совершенно невиновны", что, следовательно, им не в чем меняться и не надо совершенствоваться. Но именно вследствие этого лучи, посылаемые ими в мир, остаются без контроля и очищения, и мировой воздух, уже отравленный и больной, впитывает в себя снова и снова источаемые ими яды пошлости, ненависти и злобы...

Художник Лосев «Блудный сын»

Если я увидел и понял все это, то я стою на верном пути. Каждый из нас должен прежде всего подмести и убрать свое собственное жилище. С этого начинаю и я.

Итак, я не ищу спасения в бегстве. Я принимаю свою вину и несу ее отныне – спокойно, честно и мужественно. Наверное, будут и тяжелые, болезненные часы; но эта боль – относительная и полезная. Я буду искать и находить свою вину не только в том, что я совершил внешне, в словах и поступках, но и дальше, глубже, интимнее, в моих с виду не выразившихся, а может быть, и неизреченных состояниях души, там, где начинается мое полнейшее одиночество и куда не проникает мое самопознание. Везде – где у меня недостает любви и прощения; везде – где я забываю о едином "пространстве" и общем "эфире" духа; везде – где я перестаю служить Богу и делать Его дело или где я во всяком случае нецелен в этом служении.

Если я однажды понял мою вину, то мое сожаление о ней должно стать истинным страданием, вплоть до раскаяния и до готовности искупить ее, и главное, – вплоть до решения впредь стать иным и поступать иначе. Так вырастает во мне настоящее чувство ответственности, которое будет отныне стоять как бы на страже каждого нового поступка.

Исследуя мою личную вину, я нахожу и распутываю сто других различных нитей, сцеплений и отношений к другим людям. Медленно развертывается передо мною ткань общественной жизни; я постепенно привыкаю воспринимать и созерцать общий эфир духовного бытия – и вот я начинаю постигать, что я в действительности "посылаю" в этот общий воздух и что я из него "получаю". Это научает меня верно измерять мою виновность и не падать под ее реальным бременем. Суровая, но драгоценная школа. Каждый шаг становится для меня ступенью, ведущей к укреплению духа и верного характера. Не впадая в замешательство и не отчаиваясь, я вижу всю мою жизнь как длинную цепь виновных состояний и деяний – и черпаю отсюда все больше мужества и смирения.

И по мере того как я достигаю это, я получаю право исследовать вопрос о чужой вине: не для того, чтобы изобличать других и предавать их осуждению, – потребность в этом все более исчезает во мне, – но для того, чтобы вчувствоваться в их жизненные положения и в их душевные состояния так, как если бы я каждый раз оказывался на месте виновного человека и как если бы его вина была моею. Это значительно увеличивает и углубляет мой опыт виновности, и я постепенно научаюсь нести не только свою вину, но и чужую – нести, т.е. преодолевать ее духом и любовью.

Но, по правде говоря, мне еще далеко до этого... Овладею ли я когда-нибудь этим искусством, не знаю... Может быть, и нет... Но одно не подлежит для меня никакому сомнению, а именно, что это – ВЕРНЫЙ ПУТЬ...

И. ИЛЬИН
«ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ.
КНИГА ТИХИХ СОЗЕРЦАНИЙ»

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 2

Непрестающая память о почившем в Сезеново затворнике помогала тому, что и по смерти Иоанна строительство монастыря быстро подвигалось вперед. Иоанн оставил возведение начатого им о семи престолах храма на попечение послушницы своей Дарии Кутуковой. И она, оплакав смерть своего наставника, безо всяких средств, укрепленная верою и упованием на Божественную помощь и на молитвы усопшего, с четырьмя избранными сестрами, поселившимися здесь еще при жизни затворника, стала ревностно заботиться об осуществлении его планов.

Горячей помощницей старице Дарии стала Евфимия Моргачева из села Нижне-Ломовое, пятой поселившаяся в Сезеново. Еще весной 1824 года эта благочестивая девица, направляясь в Киев на богомолье, посетила уединенную келью Сезеновского затворника. И Иоанн тогда еще, провидя ее будущую судьбу, просил Евфимию не оставаться в Киеве, говоря, что и у него здесь скоро заведутся индейки, куры, появятся цыплятки, так что придется Моргачевой с палкой в руках их караулить, чтобы они не разбежались и чтоб не разворовали их. Евфимия послушалась совета затворника, хотя и оставляли ее в одном из киевских монастырей, и до 1840 года прожила она у себя дома в уединенной келье. По кончине же затворника Иоанна присоединилась Евфимия к малой общинке, осиротевшей без наставника, и взяла на себя сбор средств на созидание храма.

Помощь Божия видимо осеняла труды храмоздательниц, но некоторые люди, руководимые больше корыстью, нежели усердием, пренебрегая завещанием затворника, вздумали взять на себя эту постройку и разными происками смогли удалить добрую старицу из Сезеново. Не без скорби, не без слез, но с покорностью воле испытующего Промысла, Дария вынуждена была оставить довершение начатого затворником храма. Предполагая, что она удалена от забот по постройке храма навсегда, Дария отправилась на жительство в Борисовскую женскую пустынь Белгородского уезда, взяв с собою железные башмаки, обтянутые сукном, и чугунные четки, принадлежавшие покойному затворнику.

«Собирая средства на храм, Евфимия, прикрывала свой труд покровом юродства...»

Узнав об этом, Евфимия сдала сборную книгу и деньги новым строителям, а сама возвратилась в свою келью в Нижне-Ломовое.

Но тщетными оказались труды новых строителей — дело не подвигалось вперед. И после долгих и напрасных усилий они были вынуждены просить старицу Дарию возвратиться опять и взять на себя заботы о постройке. Дария, оставив взятые с собою башмаки и четки у девицы Борисовской пустыни Авдотьи Осиповой, приехала в Сезеново и принялась за работу. Когда Дария вернулась, Евфимия осенью 1840 года снова оставила свою келью в Нижне-Ломовом, чтобы навсегда переселиться в Сезеново, где она и поместилась в маленькой келейке, выстроенной из плохого осинового леса с такими же сенями, крытыми соломой.

Работа возобновилась, нашлись средства, материалы, рабочие и все необходимое. Как и откуда? На эти вопросы не умела бы, кажется, определенно ответить и сама строительница Дария, так как во всем было видимо влияние Десницы Вышнего, направлявшей и руководствовавшей всех участников этого дела. Когда клали большую церковь и довершали свод в трапезной, в одно время сошлось много народа, усердствовавшего поработать для храма Господня. Пришедшим было поручено носить наверх, на подмостки, кирпичи. Рабочие, обрадовавшись помощникам, стали слишком поспешно выкладывать своды. И вдруг, от излишней тяжести кирпича, которого было до 20-ти тысяч, и от многолюдства подмостки под кружалами рухнули.

Когда первый страх прошел, начали искать, не убит ли кто... И, к общему удивлению, все оказались целы и невредимы. Мастеровые и народ, помогавший им, как будто каждый отдельно был предуведомлен заранее об опасности, успели сбежать на землю в самую минуту падения.

Памятен и такой случай. После завершения строительства церкви надо было вынуть палубник и снять подмостки, и за первое просили с Дарии 100, а за второе — 200 рублей. Но и палубник отошел, и подмостки обрушились сами собою. «Вот, — говорила Дария, — Господь помог нам и без денег все снять, остается только прибрать». Все это она приписывала непрестанным молитвам почившего затворника Иоанна.

Евфимия же тем временем, испросив у общества увольнение для поступления в монашество, шла по городам и селам со сборною

для устройства храма. Собирая средства на храм, Евфимия, прикрывая свой труд покровом юродства, бывала и в хижинах бедняков, и в чертогах знатных вельмож, у которых успела заслужить уважение. Это очень способствовало быстрому устройству обители. Ее духовность привлекала людей разного положения, появился широкий круг знакомых. Члены некоторых семей под влиянием сезеновской сборщицы пришли к монастырской жизни.

Евфимия за свою простоту, прямодушие, ласковое обхождение со всеми была величаема людьми попросту: «Наша Фимуша!» Она всеми своими знакомыми была причисляема к числу своих. Но и Евфимия некоторых особенно любила и называла своими и им иногда иносказательно, а иногда и прямо высказывала о том, что должно случиться.

Подобных случаев в свое время рассказывали много; один же был весьма знаменательный. В 1841-1842 годах Евфимия находилась со сборною книгой в городе Козлове. Здесь она и до этого очень часто бывала в доме богатой купеческой вдовы Придорогиной. У купчихи была дочь-девица лет 20-ти, Анна Николаевна. Евфимия полюбила ее за ее кроткий нрав и, как бы предсказывая ей ее будущность, называла своей казначейшею. Тут надо заметить, что Евфимия, по обыкновению, мешочек со сборными деньгами держала на шнурке у крючка палки, с которой постоянно хаживала. И по приходе в дом Придорогиной Евфимия мешочек с деньгами и с палкой всегда отдавала Анне Николаевне, поручая ей сосчитать деньги и спрятать, говоря: «На, милая моя казначейша, сочти деньги и спрячь». Прошло после того лет 13. В 1855 году Анна Николаевна поступила в Сезеновский монастырь; при пострижении в монашество получила имя Анфиса, и долгое время действительно была здесь казначеей.

Впрочем, и сама Евфимия в своих странствиях получала предсказания о своем будущем высоком служении. Так однажды, пребывая в Тульской губернии, она посетила блаженную старицу Евфросинию Григорьевну, проживавшую в селе Колюпаново Алексинского уезда. Старица-подвижница, прозрев духом визит Евфимии, с утра велела готовить обед, говоря, что прибудут гости, а появление странницы на дороге отметила слова-

Блаженная старица Евфросиния

ми: «Игуменья едет». Когда Евфимия вошла, блаженная встретила ее, крепко обняла, поцеловала и поклонилась до земли, воздавая ей почести как будущей настоятельнице обители.

Меж тем до настоятельства было еще далеко, а пока что приходилось Моргачевой исполнять порой весьма затруднительные по дороговизне заказы старицы Дарии Кутуковой.

Старица Дария желала, чтобы иконы главного иконостаса строившейся в Сезенове церкви были писаны лучшими художниками, выполнение чего и возложила на Евфимию. Евфимия при получении письма, имея в сборе только 30 рублей, тем не менее не усомнилась, а напротив — с надеждой на помощь Божию, усердно принялась за исполнение возложенного на нее поручения и в короткое время выслала в Сезеново до 70 образов большого размера, писанных профессиональными иконописцами. Они украсили иконостас и стены главного храма. Некоторые из них были ценою в 3000 рублей каждый, все же вместе обошлись более чем в 50000 рублей.

Затем церковная утварь, священные одежды и прочее были высланы из Петербурга в какие-нибудь три года. В быстром устройстве храма видимо помогал Сам Господь по молитвам затворника Иоанна. Много рассказывала впоследствии сама Евфимия о случаях такого явного покровительства Божия. Например, нужно было приобрести в Сезеново Евангелие, крест, сосуды, ковчег и все, необходимое для богослужения. «Я, — вспоминала она, — зашла в лавку, отобрала то, что мне более понравилось, сторговалась и попросила отложить, обещая принести деньги, когда наберу следуемое количество, так как в сборе достаточно денег не было. Случилось мне на другой же день идти мимо того магазина. Хозяин попросил меня войти и предложил получить отобранные мною вещи. Я отказывалась их взять, говоря, что денег еще не уплатила. Но хозяин утвердительно сказал, что вслед за мною был у них какой-то господин немолодых лет и уплатил за все сполна. Вот так я, благодаря неведомому благодетелю, и взяла все».

Еще рассказывала Евфимия такой случай. «Не помню, — говорила она, — в каком именно году обменивали старые государственные билеты в пять и десять рублей на новые. Срок обмена прошел, старые бумажки перестали уже ходить, и их не велено было принимать. В это время неизвестный мне человек, идя со мною по улице и узнав о цели моего пребывания, дал целую кипу связанных бумажек со словами: "На, вот тебе, быть может, пригодятся". Мы долго шли с ним вместе и, отставая понемногу, я не заметила, куда скрылся мой благодетель. Кто он такой, не знаю, и нигде более не встречала. Обрадованная, я обратилась к моим благодетелям и по их ходатайству обменяла данную мне кипу старых бумажек на ходячие, коих выдали 3000 рублей серебром».

ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ «СЕЗЕНОВО И ЕГО ПОДВИЖНИКИ». ТАМБОВ, 2007.

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ

Жизнеописание схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Часть 3

Прописка

Потом я пошла его прописывать. Пришла в паспортный стол и подаю паспорт батюшки на прописку. Начальник взял его в руки, посмотрел и сказал: «Где это ты такого взяла?» И как кинул его на пол. Я подняла паспорт и говорю: «Да родственник он мой, пришел и заболел, слег. Он старенький, скоро умрет, а на кладбище надо, чтоб место дали. Как его без прописки получишь?» И опять подаю ему паспорт. Он опять его кинул. Я говорю: «Да что же вы так волнуетесь? Что он, бандит, что ли? Ведь недвижимый старичок». Он говорит: «Лучше бандита прописать, чем такого: дважды по 58-й статье судим». Ну а я и статьи-то эти не знала. «Ну и что, – спрашиваю, – какие там эти статьи?» Он говорит: «Эти статьи против советской власти». Ну тогда я взяла этот паспорт и ушла. А потом этот начальник уехал в отпуск, и вместо него стала девица Вера работать, она не только прописала, но и оформила меня как опекуншу.

Уголь и дрова

Когда келью на огороде поставили, то я маме объявляю: «Мама, у нас тут батюшка поселится насовсем и будет жить, а я за ним ухаживать буду». А мама мне и говорит: «Ой, какой ты крест берешь на себя! То как барыня все разъезжаешь: в Киев, в Мичуринск. А ведь этого тебе теперь не будет. Ты еще не понимаешь, какую жизнь трудную берешь. И на нас тоже трудности эти лягут». Тут она, конечно, права была. Вот, например, топка, с ней тогда очень трудно было. Мы ведь как топились? Брат, бывало, с работы идет, он у меня помощником машиниста работал, так ведро угля несет да дровишек. Как раз мы и протопимся. Так до следующего его дежурства и тянем. А так ему надо будет два ведра угля нести и еще дрова на батюшку. Это ведь и брату крест. А я говорю: «Не безпокойтесь насчет этого. Его будет обезпечивать Матерь Божия». «Ну, посмотрим», – ответила мама недоверчиво. «Нет, нет, – говорю, – о топке у вас забот не будет».

Первую неделю, когда батюшка в келию перебрался, я у брата с мамой потихоньку топочку брала. Они спать лягут, я пойду в дом, дровишек принесу. Можно было, конечно, и так брать, я ведь тоже в доме хозяйка, но так лучше было. А потом вот как получилось. Приехал какой-то большой начальник к нам на работу – я в конторе работала – к директору. Молодой такой. Всех нас собрали в одном месте и велят нам вопросы ему задавать. Вроде как он заботу о нас проявляет. Все стали задавать вопросы, но больше для смеху, для веселья. Молодые все были. До меня очередь доходит. А я на него взглянула и говорю: «Вы не знаете, где угольку купить?» Все замолчали, а одна говорит: «Ох, ну и вопрос задала». Я ей сердито отвечаю: «Да сиди ты, твой вопрос и слушать нечего, такой он у тебя безсовестный. А мой вопрос хороший». Начальник посмотрел на меня в упор, чтоб убедиться, серьезно ли я спрашиваю, и говорит: «Хорошо. В три часа позвони мне и на склад приходи». Прихожу домой, батюшке все рассказываю, а сама сомневаюсь, надо ли на склад идти. Вдруг начальник передумает. Ведь все-таки я простая работница. А батюшка мне говорит: «Нет, нет, иди, иди». Вот я пошла в три часа, подхожу к складу и вижу: нагружают целую машину антрациту. И сам начальник даже пришел. Велел мне в кассу 250 рублей заплатить, а потом людей даже дал для разгрузки угля. Привезли уголь, мама вышла из дома, брат тоже. «Такого даже на паровозе не дают. Откуда же это уголь?» – спрашивает. Когда разгрузили машину, то мама наполнает ведерко углем и хочет отнести его к себе в дом. «Нет, – говорю, – нельзя брать. Это Матерь Божия дала батюшке». – «Да что же, разве я не знаю, что ты у нас брала», – она мне возражает. «У вас, – отвечаю, – можно, а тут нельзя, это Матерь Божия дала». Разгрузили уголь, батюшка прямо слезой заливается: «Я тебе говорил, что Матерь Божия будет заботиться, что это Она приходила». Я ведь поначалу как-то сомневалась, что Странница – это Матерь Божия была, а батюшка меня все уговаривал.

Ну вот, уголь у нас уже есть, но это еще не все. Теперь дрова нужны. А дрова в то время связками продавали на базаре. В одной связке – 10 килограммов. Прихожу на базар, в очередь встаю. Продавец на вид неказистый, такой горбатенький, и все его зовут Иваном. Я у одной спрашиваю: «Как же его отчество?» Она говорит: «Александрович». Ну, я подхожу и зову его по имени и отчеству: «Иван Александрович!» Он прямо так рад сделался, что его так назвали. Я говорю: «Нельзя ли мне две связки взять? Я с работы отпросилась, не

могу ж я каждый день отпрашиваться». Он говорит: «Встань вот тут рядышком». Я встала. Стою, долго стою, уж ноги стали замерзать. Думаю, издевается надо мной этот горбатенький, чтоб я, дура, стояла себе на морозе. Он, поди, забыл про меня. И только хотела я к нему уже подойти и сказать чего-нибудь грубо. Глянула – дрова на машине везут, метровые, березовые. Он ко мне поворачивается: «Так, гражданка, заплати 6 рублей в кассу и поезжай с этими дровами». А народ возмущаться стал, роптать. А он говорит: «Это вашим детям в школу дрова». И все замолчали. Дрова привезли, брат говорит: «Ну, это чудеса просто, дров полно у них, и какой уголь! И в такое время!» Мама ему отвечает: «Наверное, это не просто. Ну ладно, Бог с ними, пусть живут».

Непрошеные гости

В келью к батюшке никто не ходил, кроме меня. Он же затворник был. Нет, вспомнила, один раз все-таки зашел один, но потом наказан был сильно. А дело было так. Когда я на работе была, мама за кельей всегда поглядывала, мало ли что. А тут как-то полезла она в погреб, а в это время зашел участковый и прямо к батюшке стучится. Батюшка вышел, на нем схима была. Как этот участковый дрогнет, не ожидал такого увидеть. «Что такое? Везде, куда ни зайду, меня боятся, а тут что-то я сам испугался, даже вздрогнул». Батюшка его спрашивает: «А чего ты испугался?» – «Да вы в такой одежде», – отвечает. Прошел он в келью, а батюшка ему: «Снимите головной убор, у меня здесь иконы». А он говорит: «Да я неверующий». – «А почему?» – батюшка спрашивает. «Да я Его, Бога, не видел». – «А ум-то ты свой видел? Рече безумен в сердце своем, несть Бог». И еще ему батюшка чего-то говорил. Потом участковый ушел. Когда я пришла с работы, батюшка мне рассказал об этом случае. Я, конечно, испугалась, начала плакать. «Как же ты его в дом пустил?» – спрашиваю. А он меня успокаивает: «Да не бойся ты, ну и что ж, что он побыл. Вот увидишь, какое будет чудо». Я говорю: «Да, чудо вот такое, что меня заберут, а тебя тут оставят одного и еще к тебе придут». А сама плачу. Батюшка как будто меня не слышит: «И в Грязях-то его даже не будет». – «Да, не будет, не будет», – передразниваю я. Ну, а потом, правда, забрали его. Проезжал какой-то начальник из министерства мимо нашей станции. Сам по себе откуда-то ехал, никто и не

Схимонах Иоасаф около своей кельи

знал. И зашел в буфет при станции, заказал чай с коньяком. Я вообще-то не знала, что так его пьют. И стало ему плохо с сердцем после этого. Тогда он врача зовет. А вместо врача привели милицию, видать, он подозрительным показался. Отвели его в отделение, посадили там, а сами ушли. Дело-то к вечеру было.

Утром другая смена пришла, стали все проверять, а он какой-то начальник оказался. Берет трубку, в военкомат позвонил, куда-то еще позвонил. Машина мчится за ним, прямо по пешеходной дорожке, где нельзя ездить. Я у людей спрашиваю: «Это что такое?» Мне говорят: «Это участковый наш "засыпался", не того у себя продержал». Точно, осудили его потом и выслали. Как батюшка говорил, так и получилось.

Но это не последний раз было, потом еще приходили. Из райисполкома, трое их, наверное, было. Они приходили, как они говорили, обмеры сделать внутри кельи. Может быть, во всех домах они так делали, или предлог им нужен был, не знаю. Батюшка сделал такой замок в двери, чтоб мы могли его сами открывать. Пальчик, бывало, просунешь, подденешь, где надо, и входишь. Первый раз, когда они пришли, мама их не пустила. «Хозяйка постройки, – говорит, – на работе». Они ушли и обещали на следующий день прийти. Я батюшке говорю: «Пусть зайдут, пусть обмеряют, ты лежи только, ничего не говори им». Батюшка отвечает: «Это уж дело мое». Потом книжки его церковные полотенцем накрыла, чтоб они внимание не привлекали, а ему все приказываю: «Батюшка, ну не разговаривай с ними, сделайся дурачком. И мама прирекомендует, что ты больной головой». – «Ну, это дело там покажет», – так он мне отвечает. И вот разрешила я маме их пустить. Они приходят, а мама дверь вдруг открыть не может.

Всегда открывала, хоть бы что, а тут никак. Они говорят: «Ну что же, мы будем и будем так ходить?» Разозлились. Но все-таки силой не пошли. Постояли, да и повернули обратно. Они еще не вышли со двора, а мама пальчиком попробовала открыть, а там открыто. «Батюшка, зачем же ты закрылся?» – укоряет она его. Он говорит: «Да я и не поднимался, к двери нынче вообще даже не подходил». Так вот вышло. У него же затвор был. Матерь Божия ему благословила, чужим-то нельзя туда было, вот так и получилось.

Исцеление

Батюшка вообще Матерь Божию очень чтил и Ей всегда молился. Он очень к Ней большое доверие питал. Однажды он заболел сильно, так что надо было срочно операцию делать. Положили его в больницу. Там говорят: «Надо немедленно оперировать, а то до утра не доживет». Собрался консилиум врачей, все приготовили. Пришли за батюшкой, а он на койке лежит и все твердит: «Матерь Божия, Ты мне помоги». Ему говорят: «Если мы тебя сейчас не прооперируем, то никто тебе не поможет». Он, как только эти слова услышал, то так оскорбился за Матерь Божию, что

отвечает врачам: «Раз так, то я у вас лечиться не буду. Маша, едем домой». Что делать? С ним не поспоришь. Домой приехали, привела я батюшку в келию и побежала за отцом Андреем. А дело к вечеру уже. «Пойдем, – говорю, – отче, надо батюшку причастить». Он отвечает: «Ну, завтра утром и схожу». – «Да врачи сказали, что не доживет он». – «Доживет», – возражает отец Андрей. И не пошел. Утром он приходит, а батюшка хвалится: «А у меня не болит ничего». И ко мне обращается: «Маша, дай нам поесть чего-нибудь». А потом врачи из больницы приходили узнать про батюшку. Но я их не пустила. «Живой, – говорю, – ничего не болит». – «Дайте нам посмотреть», – просят. «Нет, – отвечаю, – не так это просто». И не открыла им келию.

Молитва и пост

Расскажу, как он меня учил молитве Иисусовой. Когда только пришел из заключения, сразу на первом году поехали мы с ним на родину. И вот мы где-то шли пешком километров 15, дорога была через поле и рожь. Он вперед идет с Иисусовой молитвой, а я сзади, и на уме всякие мысли. И чего-чего на ум не приходило. И вот он только твердил мне: «Читай Иисусову молитву». А я один раз только, может, скажу, да и больше не говорю, мысли разбегаются. Вот он мне и говорит: «Иди вперед и не оглядывайся». Я иду. Встречаются четыре дороги на перекрестке. Я остановилась, по какой идти, не знаю. Оборачиваюсь, а батюшки нет. Перепугалась не на шутку и за него, и за себя. Что делать? Побежала на бугорок, там была мельница разваленная, влезла на нее и стала смотреть. Увидела вдалеке как бы точечку черную и прямиком туда. Нахожу батюшку, вся в слезах, укоряю его. Он говорит: «Вот слушай: когда человек без молитвы, от него отходит ангел, и он не знает, куда идти. Ты же инокиня, почаще думай о том дне, в который принимала святое пострижение, и помни всегда, в каком состоянии душа в тот момент находилась. Вот я отсидел 20 лет, было тяжело в заключении, но я всегда взывал ко Господу. Надо Господу молиться, носить имя Его в сердце, в уме, в устах; с Господом, с Иисусовой молитвой – спать, жить, ходить, есть, пить. Если нет такого призывания, стекаются плохие мысли, а все плохое отгоняется Иисусовой молитвой».

Батюшка большой молитвенник был. Весь день почти в молитве проводил. Вставал на правило ночью, в три часа. Я на работу утром пойду, а он все продолжает. К обеду возвращаюсь в двенадцать часов, чтоб самой поесть да его покормить, а он все молится. Вот он дообедает, пойдет дрова поколет. Любил очень это занятие, никому не давал. Наработается так, что самому до кельи не дойти. Я его обратно сама тащу. Со стороны кто посмотрел бы, так непременно сказал бы, что я над ним издеваюсь. Что б он отдыхал, так я как-то этого не видала. В четыре часа дня опять за правило брался и часов до восьми молился. Перед вечерним правилом всегда чай пил, но после молитвы уже не вкушал больше. Потом после вечерней молитвы сядет книжки свои читать, а когда спать ложился, я того и не знала. Спать пойду к маме, а он все читает еще. Я иногда замечала, что молитва у него самодвижущаяся была. Как-то прихожу к нему за благословением в храм идти, а он сидит и «Богородицу» читает, громко так, четко. Стою, жду, когда он кончит, а он и не думает. Читает одну за другой. Я не вытерпела и окликнула его: «Батюшка!» Он как проснется, от неожиданности испугался так, что в ногах у него судорога началась. Я ноги ему растираю, а он мне говорит: «Зачем ты меня будила? Я ведь только заснул и так спал крепко. Ты меня в другой раз не буди». – «Как же, – отвечаю, – ты спал? Ты же "Богородицу" читал». В другой раз приду к нему, стану обед готовить, а он так углубится в молитву, что не слышит ничего. Потом я громыхну чем-нибудь, он встрепенется и спросит: «А когда ты пришла?» Пойдет во двор строгать себе столик какой-нибудь, опять молитву про себя читает, ничего кругом не замечает. Мальчонка брата моего начнет у него потихоньку инструмент таскать, батюшка не видит его. Я приду, он мне начнет жаловаться: «Куда у меня весь инструмент пропадает? Кто-то берет, а я не вижу». Всегда он в молитве был. Но она к нему не просто так пришла, а через лагеря. Он, как сам мне говорил, в заключении молитве научился.

Пища у батюшки была самая простая, никаких изысканных блюд он не признавал. Любил он белый хлеб, потому что в заключении его ему не давали. Но и его ел в меру. Бывало, съест лишний кусок, спохватится, забеспокоится, да и укорять себя начинает. А один раз какой-то священник с юга про него узнал и прислал ему маслины, литровую банку. Я приношу их к нему в келию и говорю: «Батюшка, смотри, какие сливы. У нас они большие, сладкие, а эти какие-то маленькие да соленые». Он отвечает: «Маша, да брось их, зачем они? Не нужно их». И я пошла за огород и выкинула всю банку.

Два урока послушания

В конце 50-х годов по благословению митрополита Воронежского и Липецкого Иосифа батюшку постригли в великую схиму с именем Иоасаф, в честь святителя Иоасафа Белгородского. Схиигумен Митрофан (Мякинин) его постригал. Ко мне отец Иоасаф требовательный был, учил меня монашеской жизни, особенно послушанию. Как-то собралась я на день Андрея Первозванного в храм. У отца Андрея, настоятеля нашего, в этот

день именины были. А был пост рождественский. Батюшка мне говорит: «Служба кончится, сразу домой возвращайся, на трапезу не оставайся». Вот служба кончилась, отца Андрея все в храме поздравили, а потом он объявляет: «Сейчас все пойдем на трапезу». А на трапезе я всем руководила: и покупки делала, и готовили все под моим руководством. Как мне уходить? И я осталась. После трапезы только домой пошла. Прихожу в четыре часа, а батюшка уже начал правило читать. Сначала он сам читал, потом меня читать заставил. Я к аналою подхожу, на икону «Взыскание погибших» смотрю, а на ней лик наполовину темный. «Батюшка, – отца Иоасафа спрашиваю, – почему это так?» А он отвечает: «Вот так на именины-то ходить, вот так не иметь послушания-то». В другой раз я его послушалась, не стала работать, и Господь за это нас наградил. По радио в июне месяце объявили мороз, и все вышли с вечера костры жечь, чтобы дымом уберечь посадки от холода. А это канун праздника был. Я пошла на всенощную, прихожу обратно, а мне соседи говорят: «Мария Яковлевна, нынче мороз обещали, надо ночью костер жечь, а то все померзнет». Батюшка меня предостерегает: «Маша, смотри, под праздник не жги ничего». Я и не стала. Утром возвращаюсь от обедни, у всех посадки поморожены, все кругом черное, а наш огород зеленый.

Причащение

Один раз, когда батюшка причастился на праздник апостолов Петра и Павла (он же в крещении Петр), я его под руку веду, а он мне говорит: «О, да что ж я тебе не показал, глянь, в алтаре стоят угодники». А я говорю: «Я не вижу». «Да хватит тебе, как не видишь? Идем, я тебе покажу. Ну вот, смотри». Ну, а что мне смотреть? Он видит, а я нет. Он даже расстроился, что я ему так отвечаю. Пришли домой. Батюшка вечером правило читает, а я за ним на коленях стою. Двери закрыты были. Вдруг Женщина входит и прямо на пол кладет фрукты. Такие необыкновенные! «Вы только молитесь, Я все вам предоставлю», – говорит. Я зову: «Батюшка!» А он не любил, чтоб его окликали, когда он молится. Но тут повернулся, посмотрел и произнес только: «Ну вот». И читать продолжает. Я обернулась, этой Женщины нету, и фрукты как-то исчезли.

В другой раз вот как было. Пригласила я отца Андрея причастить батюшку. Он часто причащался. Отец Андрей к нам всегда под вечер приходил, после того, как всех обойдет. Он знал, что батюшка терпеливый. Другие не выдержат, возьмут да поедят, а батюшка хоть до завтрашнего дня ждать будет. Я стою, жду отца Андрея на улице, а его нет и нет. Потом пошла в келью погреться. Батюшка мне и говорит: «Маша, я причастился уже, приходил священник – красивый такой, в сопровождении двух диаконов». – «Да нет, – говорю, – отец Андрей не приходил еще, я же на улице стояла». – «Как хочешь, Маша, а меня причастили», – настойчиво так и спокойно он мне отвечает. То же самое он и отцу Андрею рассказал, когда тот пришел. Но отец Андрей его все-таки причастил.

Хранение затвора

Однажды его у меня чуть не выкрали. Дело вот как было. Поехали мы к отцу Севастиану в Караганду проведать его, он же тоже оптинский. Когда приехали, так отец Севастиан начал уговаривать батюшку остаться у него. Но батюшка не соглашался. «Мне, – говорит, – благословлено в затвор». Тогда вот что выдумали. За три километра от Караганды было у них поселение, комбинат какой-то, и там Севастиановы чада жили. Они у него по всей округе селились. Так вот, заманили туда его хитростью, как бы попросили они батюшку станок им наладить для отливки свечей. Батюшка ведь все умел. А мне ничего не сказали. Домой меня выпроваживать стали, чтоб я расчет взяла и обратно приезжала. А как я могу без отца Иоасафа уехать? Стала его искать. Хожу по двору, батюшку не найду. «Что-то, – думаю, – не то, наверное, специально они его спрятали». Но никто мне ничего не отвечает. Все сговорились молчать.

Стою на дворе, слезы у меня льются. Одна монашка стирает белье и вдруг говорит: «Комбинат». Одно слово только сказала. А я переспрашиваю: «Что?» Но она со мной больше не разговаривает. Так, думаю, и на том спасибо. Иду на остановку, а слезы льются. Доехала до комбината. А отец Севастиан в это время тут же был, в одном доме службу проводил. Я туда прихожу, гляжу и думаю: «Кого нет? Нет Глафиры и Раисы. Все остальные тут». Служба кончилась, меня за стол сажают. «Нет, – думаю, – я не за этим сюда приехала». Вот после трапезы отец Севастиан меня в машину посадил и назад в Караганду отправил. Но я опять в комбинат потихоньку вернулась. Приехала, спрашиваю у прохожих: «Где сторож живет?» Мне показали. Прихожу к нему и прошу: «Ты доведи меня до Глафиры и до Раисы. Батюшка Севастиан благословил». Он идет, подходит к их двери, стучится. «Раиса, отец Иоасаф у вас?» – спрашивает. Раиса из-за двери отвечает: «Вот так номер, отец Севастиан велел никому не говорить, а сам же и сказал». А я рядом стою, мне все слышно. «Все ясно, – думаю, – батюшка тут». Раиса дверь сторожу открывает, за ним и я тут же проскочила. Батюшка ко мне сразу: «Маша, что ж ты привезла меня в такую даль и бросила? Что ж ты не показываешься? Ты посмотри, как они мною командуют, даже в туалет не выпускают». – «Ладно, – говорю, – батюшка, хоть увидала тебя, теперь ругай меня, сколько хочешь. Ведь они тебя украли, они тебя спрятали». – «Да что ты, что ты?» – батюшка говорит. «Да вот так», – отвечаю. Потом отец Севастиан смирился, отпустил нас.

Так же, помню, и в Печорах было. Мы приехали с ним туда, пошли в храм. Пока я сумки пристраивала, батюшка исчез куда-то. Я перепугалась, давай его искать во дворе. Нет нигде. Возвращаюсь в церковь, слышу, голос какой-то выделяется, тонкий такой. Прислушалась, да это батюшкин голос. Его прозвище еще в Оптиной было «соловей». У него голос был чистый, высокий, как у девочки. После службы однажды к отцу наместнику подошли и говорят: «Зачем у вас в хоре девочка поет?» Он промолчал, а батюшке сказал: «Погрубей, погрубей пой. А то как девочка». Ну вот, как глянула я: стоит батюшка на клиросе, в сере-

дине, а монахи его то обнимают, то волосами его играют, улыбаются, увидели старинного монаха. Наместник, отец Алипий, его к себе в келью забрал и тоже не хотел отпускать.

В публикации использованы материалы иеромонаха Нестора (Кумыша) и схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Снетогорского монастыря.

(Продолжение следует)

Из писем схимонаха Иоасафа (Моисеева)

1958, IX/14 дня. Воздвижение.

Поздравляю с праздником вас, незабвенные и приснопамятные о Господе, достойнейшие, любвеобильные о Христе Зинаида Петровна, Вера и Зина, девочка самовольная и непослушная своей мамочке, даже и бабушке, привет мой вам с пожеланием вам от Господа Бога здравия телесного и спасения душевного, а паче душевного.

Вера, вас поздравляю со днем вашего Ангела. Пошли вам Господи утверждение надежды получить Царствие Божие. Вера, покуда живем теперь, верим, но не видим, вера пройдет... а любовь умножаться будет ко Господу. Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое Радование, не остави нас в духовной нищете, но с пророком Ионой взываю к Тебе: возведи от тлена и суеты земной меня к Небесной.

Может быть, последнее время проживаем по пророчествам пророков — все загорится, и будет новая земля. Какой страх и какой трепет! Те, которые в мирской жизни угодили Господу Богу, наследуют землю [вечную], а которые угодили Ему в монашестве, те будут между Ангелами. Итак, возлюбленная сестра о Господе Вера, призыв есть от Господа и Царицы Небесной на сей путь, к причислению Ангельскому образу. Хотя было у тебя рвение, когда была в Лавре, и растворилось ваше сердце и душа любовью к сему Ангельскому житию, образу, но о сем нужно с вами говорить подробно лицом к лицу.

Вера, не смущайся, что я вам редко пишу, чуя близость вашей души ко мне, недостойному, и я, как бы не отходя от вас, всегда вместе с вами нахожусь во Христе. Молю о вашем спасении и здравии духовном и телесном, чуя ваше волнение и недоумение, что я вам ничего не отвечаю, но я с вами в духе о Господе, и, чуя, что ты прислала свою лепту, как бы мне на дорогу. Но я один, без провожатого, не могу с места тронуться, и у Марии отпуск маленький, у нее только две недели, и она, и я использовали [его] поближе — побывали у знакомого иеромонаха о. Серафима[1], с которым и я ... познакомился, и он был не один раз у меня в моей пустыньке...

Отец Серафим служит при церкви, любит церковное благолепие, [его] много окружает монашествующих жен, был я на празднике Успения Пресвятой Богородицы и на Погребении. Заставлял меня канонаршить, надевал мне свою мантию и клобук, было все торжественно и молитвенно. Сколько было бесноватых покрикух, раздирающих неестественными оглушительными криками разного рода, одна матушка Митрофания[2], имеющая дар прозорливости, и еще одна болящая мати Анатолия[3], которая лежит всегда в постели, и [ее] в церковь привозили, специально для нее колясочка, имеет послушниц, которые за ней ухаживают, потому она сама не может повертываться без помощи их. Вот Маша и писала вам по просьбе моей вам, если есть ваше расположение приехать и побывать у меня, то милости просим, и я [бы] вас познакомил с сим иеромонахом, то я попросил [бы] его, чтобы вас произвел в чин Ангельского образа, одеть подрясник. И просил вас, чтобы ответили мне о сем, но вы, видно, были опечалены, что о себе ничего не сказали, но я, имея истинное во Христе к вам расположение, нисколько не имею к вам обиды... Когда начинаю вам писать, то, имея ваше присутствие, как бы лицом к лицу с вами говорю, а рука моя пишет исходящие из сердца помышления... Вот, мои во Христе родные, земно вам кланяюсь и прошу прощения.

Вера, получишь мое письмо, ответь, как вы себе поживаете, что у вас нового, что же не написала, как бы есть у вас иеромонах новый, присланный из семинарии, молодой, [в] Благовещенскую церковь к вам, и как батюшка о. Мелетий здравствует, жив ли он. Хотелось еще с ним повидаться.

---

[1] Иеромонах Серафим (Мяконин), в схиме — Митрофан, † 1976 г. (*прим. ред.*).

[2] Монахиня Митрофания (Сарычева), в схиме — Михаила, † 1976 г. (*прим. ред.*).

[3] Монахиня Анатолия (Овечкина), в схиме — Антония, † 1972 г. (*прим. ред.*).

Живая вода Промысла Божиего

из бесед с кавказским пустынником

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

О монахе Давиде и о жизни в пустыни

Часть 3

На тему взаимоотношений с братом Давидом и о жизни в пустыни вспоминается один случай — горький опыт из моей практики.

При жизни отца Серафима (Романцова) мы обращались для разрешения важных вопросов только к нему. Мелкие недоумения, конечно, решались на месте, при совете с Давидом и тамошними иеромонахами, а серьезные вопросы — только с о. Серафимом. И вот однажды возник какой-то серьезный вопрос. Поехал я к отцу Серафиму (он жил в Сухуми), рассказал ему о своей проблеме. И между прочим, спросил, как мне быть, если случится, что возникает какой-либо вопрос, а нет возможности выехать в город. К кому обращаться за советом? Старец ответил:

Абхазский горный хребет

— Советуйся с братом, то есть с Михаилом, будущим монахом Давидом.

Я немного смутился, говорю:

— Но бывает так, что иеромонах, который там с нами живет по соседству, у которого мы исповедуемся и причащаемся, благословляет так-то, а Михаил говорит иначе. Как быть?

Старец отвечает:

— Советуйся с братом.

Я недоумеваю, снова задаю вопрос:

— Ну, как же... Ведь отец N. — иеромонах... исповедуемся у него... как бы духовный отец нам. А Михаил такой же, как и я, — тогда мы не имели даже подрясников.

Но старец вновь отвечает:

— Я же тебе сказал: советуйся с братом!

После этого я ушел к себе, и некоторое время мы жили в мире и в спокойствии. Данного старцем правила я придерживался, и все вопросы решались гладко.

Потом однажды я пошел навестить схимонаха Василия. В книге монаха Меркурия он назван «основателем пустыни», так как первый пришел на ту территорию. Там он жил в одной келии, и еще у него была другая келия, дальняя, которая находилась под самым Абхазским хребтом. Как-то раз он мне ее показал, мне то место понравилось, и захотелось туда переселиться. Ведь мы с Михаилом жили близко к селению — на расстоянии всего трех часов ходьбы от пасеки, и знали, что может прийти милиция, поэтому целесообразно было уйти подальше, в более скрытое место.

Вот мне та дальняя келья о. Василия понравилась, и я подумал, что надо туда переселиться. Пришел к Михаилу, говорю:

— Хорошая келия есть у о. Василия, — и рассказал ему все об этом новом месте.

Но вдруг слышу в ответ:

— А мне туда что-то не хочется...

Михаил сказал это просто, как бы невзначай. И я этому слову не придал серьезного значения, начал советоваться со здешними братьями. Они мне сказали: «Ты спроси у отца Серафима, зачем пытаешься решать сам». И я поехал. Пришел к отцу Серафиму, рассказал все о новом месте, и он ответил, что можно перейти. А мне сразу вспомнилось то, что сказал Михаил: «Мне не хочется туда идти». Снова спрашиваю:

— А если брат не захочет туда идти?

Старец отвечает:

— Ну, тогда иди один.

Вот это да!.. Меня сразу смутило противоречие — он же сказал прежде, что «живите вместе», а тут вдруг

складывается ситуация, что мы можем разойтись. И у меня сразу возник помысел сомнения, что что-то здесь не то. Но еще не понял причину. А то, что в свое время отец Серафим сказал «советуйся с братом» — это выскочило из головы.

Но я успокоил себя: «Когда скажу Михаилу, что старец благословил, может, он согласится, и пойдем вместе». Пришел в келью, рассказал, что вот так и так отец Серафим сказал. Михаил ничего сразу не ответил, и так это тянулось до весны. А я спросил у старца, к какому времени надо перейти. Отец Серафим ответил: «К весне». Потому что там, у той дальней кельи, был огород, его можно было возделать.

И вот дело подошло уже к весне, нужно что-то решать. Я спрашиваю Михаила:

— Ну, что будем делать? Переходить уже на новое место пора.

Но он отвечает:

— Нет, я никуда не пойду.

У него ведь здоровье было слабое, и эта причина, может, была не на последнем месте. Говорит: «Туда я не пойду, а ты как хочешь». Вот, думаю, искушение! Что делать? Отец Серафим благословил «к весне», значит, надо все-таки выполнять благословение старца...

Собрал самые необходимые вещи, взял рюкзак, попрощался с Михаилом и пошел... Но чувствую — на душе «кошки скребут», что-то здесь не то. Решил: пойду к блаженному Лёне, его еще спрошу...

Болящий Лёня — это был один местный человек, который заболел еще в отроческом возрасте, и у которого была очень большая голова. Старожилы рассказывают, что когда начал приходить в его дом отец Виталий, так он надел ему свою скуфью, и голова сильно уменьшилась. Почти нормальная стала. И он только молился, сидел... такой лежачий был, и все время молился. Он жил в селении, в крайнем доме, и когда приходили с автобуса братья и сестры, для того чтобы идти дальше в горы, они останавливались в их доме в Азанте. Мать его Пелагея, а его звали Алексей. Но почему-то, по-сельски, его называли просто «болящий Леня». Люди у них останавливались и часто с ним беседовали. Он предсказывал. Господь ему даровал... В частности, когда разбойники напали на схиеродиакона Исаакия, этот Леня кричал, передавая то, что происходило: «Убивают, давят, ой!.. а у меня денег нет!.. ой, ой!..» Братья, когда потом пошли, посмотрели, как изуродован отец Исаакий, то поняли, что Леня кричал именно в тот самый момент, когда убивали старца. И потому к нему обращались, как к «блаженному».

И вот иду к Лёне — с тем, чтобы потом направиться в дальнюю келью. Дорогой молюсь и сердцем просто вопию, потому что... тупик какой-то. Боюсь, что если Лёня скажет что-то другое, я совсем запутаюсь. Ведь ради этой кельи я нарушу слово двух благодатных старцев (Иоанна Почаевского и о. Серафима Романцова), которые благословили «жить вместе» с братом Михаилом. И так я шел и молился... Кстати, дорога весьма трудная и опасная была, поскольку еще лежало много снега. В горах это — смертельная опасность. И вот вдруг, почти не осознавая, что делаю, я развернулся и пошел в обратном направлении. И пришел опять в нашу келию. Михаил очень обрадовался моему возвращению, говорит: «Слава Богу, что вернулся, а я думаю, вот какое искушение получилось!»

И когда начали рассуждать, то вскоре выяснилась причина этого искушения. Я вспомнил, что старец Серафим сказал «советуйся с братом». А я это выпустил из вида, и на первое слово брата, что ему туда не хочется, не обратил внимания. Вот и заварилось это большое и опасное искушение именно потому, что я не выполнил первое благословение старца (о совете с братом). И уже спрашивая о переходе старца другой раз, попал в недоумение и путаницу. И шел еще к одному человеку спрашивать — к болящему Лёне. Но думаю, что ничем хорошим это бы не закончилось, если бы Бог не возвратил меня.

Конечно, здесь может возникнуть вопрос: непонятно, почему старец дал свое благословение на переход в дальнюю келью, если это было не угодно Богу?

Мне думается, что это — попущение Божие. Отец Серафим так сказал потому, что я не выполнил прежнего его благословения «советоваться с братом». Я посоветовался, спросил брата, он сказал свое мнение, что он туда не пойдет. Мне бы на этом нужно было остановиться, но у меня осталось своеволие, которое всё заглушило: «Ну, как же? Надо ведь куда-то идти! Там есть келья, все подходящее, значит, надо идти туда!» И Господь за эту самость попустил, что, даже имея старца, я запутался.

Думаю, что так получилось также по Промыслу Божию для моего вразумления и обучения. Может быть, если бы старец просто обличил меня — дескать, «почему ты не прислушиваешься к мнению брата», мне бы не принесло это столько пользы, как горький опыт этого случая, который мне запомнился на всю жизнь и учит быть внимательным к словам и желаниям моих близких.

Такая вот история... Действительно, что нашей глупостью, невниманием и своеволием мы создаем себе скорби и проблемы.

После всего происшедшего, конечно, уже каюсь и теперь об этом говорю, чтобы кто-то не повторил моих ошибок. А если кто-то оказался в подобной запутанной ситуации и хочет из нее выйти, то, образно говоря, нужно перелистать все страницы возникшей проблемы в обратную сторону и найти первую ошибку. Каяться и исправляться. И с Божией помощью всё встанет на свои места.

Так что прости нас, Господи, и помоги нам учиться отсекать свою волю и творить Твою Святую волю во всех случаях нашей жизни.

90-летию убиения Царственных Страстотерпцев посвящается

СВЯТОЙ ЦАРЬ-МУЧЕНИК НИКОЛАЙ II

Вновь 17-го июля наступает очередная годовщина страшной екатеринбургской ночи 1918 года, очередная годовщина Екатеринбургского злодеяния. Царская Семья и ее верные слуги взошли на Голгофу во имя Христа и России. Это убийство является не просто преступлением, не просто умышленным убийством, но величайшим злодеянием, оказавшим огромное влияние на будущее всего мира.

Мученическая кончина Императора Николая II и его Семьи была обусловлена всей жизнью и деятельностью последнего Самодержца и тем нравственным выбором, который он сделал в начале своего царствования и которому был верен всю жизнь: верности Христу, России и долгу царского служения.

В условиях невозможности преодоления духовного кризиса обыкновенными политическими средствами Николаю II оставался только один путь: мученичества на престоле и принесения себя в жертву во имя спасения России. Этот путь Царя христоподражателен. «Может быть, для спасения России необходима жертва – я готов стать этой жертвой».

Но великая Царская Жертва заключалась не только в мученической кончине. Все его царствование было мученическим. Следуя за Спасителем, Государь испил свою чашу до конца. Постоянно смирять себя, наперекор всему и вся отстаивать Россию, покоряться Божиему Промыслу, и в то же время управлять государством, вникая во все стороны его жизни, проводить преобразования, руководить вооруженными силами, трудиться сутками на благо страны и народа, под тяжестью клеветы, злословия, непонимания и вражды – это ли не мученичество на престоле? Полковник Месснер писал: «Он был Мучеником, был Великомучеником с первого дня царствования (с Ходынки) и до последнего дня (отречения во Пскове). Каково величие души: царствовать в сознании обреченности и под мученичеством безнадежности выполнять свой царский долг, нести бремя державности! Пусть упрекают Государя люди, не способные оценить подвиг мученичества на Троне, подвиг, совершавшийся на протяжении двадцати двух лет. Мы же благоговейно склоняем головы перед этим подвигом, перед Царским подвижничеством, перед красотой державности Императора Николая Александровича».

Наконец, не забудем и того обстоятельства, что Государю в нескольких пророчествах («гатчинское» пророчество монаха Авеля, письмо Преподобного Серафима, пророчество Блаженной Паши Дивеевской) была открыта его мученическая кончина.

Император Николай II до полного самопожертвования любил Россию. Но между ним, Царем, и Россией, в силу различных обстоятельств, главным из которых было отступление России от верности заповедям Христовым, образовалась огромная пропасть. И у Царя было два выхода: поддаться соблазнам лукавого века и сохранить власть или, принеся себя в жертву, спасти Россию, если не для этого века, то хотя бы для будущего. Николай II выбрал второе.

Конечно, поверхностный рационалистический ум назовет эту цель Царя химерической. Православный же человек поймет и преклонится перед неземным ее величием.

Это хорошо понимал Святой Праведный Иоанн Кронштадтский: «Царь у нас праведной и благочестивой жизни. Богом послан ему тяжелый крест страданий, как своему избраннику и любимому чаду, как сказано тайновидцем судеб Божиих: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19). Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозваных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

Именно эти нечестивые, жестокие и самозваные силы, воспользовавшись все большим отступничеством от христианской веры европейского общества, его безответственностью и легкомыслием, в начале XX века повели мощное наступление на сами основы христианской цивилизации и христианской государственности. Эти силы стремились к мировому господству. Главным препятствием на их пути была Православная Россия и Православный Царь. Николай II вел всю свою жизнь непримиримую войну с этими силами зла.

Император Николай II в силу своих личных качеств и в силу того, что он был Русским Православным Царем, не мог не стать главным врагом сил мировой революции. Его уничтожение, и как монарха, и как человека, стало необходимым условием для победы этой мировой революции. При этом гибель Николая II не должна была просто означать смерть коронованного властителя: нет, она была призвана уничтожить Россию, как

страну, стоявшую на пути этих сил, как страну, бывшую в начале XX века наиболее христианской. На эту связь между убийством Царской Семьи богоборцами и их попыткой уничтожить Россию прямо указывает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В своем послании по поводу освящения храма всех Святых, в земле Российской просиявших, Святейший Патриарх назвал Ипатьевский Дом местом, где «пролилась кровь Святых Царственных Страстотерпцев, где предпринята была попытка разрушения России».

Убийство Императора Николая II, «Белого Царя», вызвало чувство глубокого горя и у иноверцев. Пьер Жильяр очень точно выразил мировое значение жертвы Царской Семьи: «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину – они умерли мучениками за все человечество».

Говоря словами Святого Праведного Иоанна Кронштадтского, Русский Царь, в силу Божиего Помазания, был Удерживающим, то есть удерживал мир от падения в пропасть богоотступничества.

Следует сказать, что эту роль Удерживающего русская монархия играла на протяжении всей своей истории. При этом русские цари вполне осознавали ее. Так, еще Император Александр Благословенный писал в письме княгине Мещерской: «Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас к спасению».

Таким образом, русские цари противопоставляли себя не какой-либо отдельной стране или политическому деятелю, а всей совокупности сил мирового зла, стремившегося восторжествовать в человечестве.

Николаю II предстояло отстоять основы Самодержавия, сохранить преемственность власти, и в то же самое время приспособить Россию к новым историческим условиям. Царю было необходимо сохранить политическое равновесие, не качнуться резко ни вправо, ни влево, решить сложнейшие вопросы сельского хозяйства, развития

промышленности, модернизации армии и экономики, соблюдая интересы всех сословий.

Тяжесть бремени была также в том, что, будучи высоконравственным человеком, Царь воспринимал и политику с позиций нравственности, и от своих подданных ждал такой же ответственности за судьбы Родины.

Самодержавное царствование Императора Александра III, успокоившее, хотя бы внешне, Россию, вселившее в неё уверенность в собственные силы, сама личность державного родителя – могучая, благородная, широкая, истинно русская – оказали на будущего Николая II огромное влияние. Глубокая вера во Христа прочно утвердилась в сердце Николая II вместе с убеждением в святости Самодержавной власти. Самодержавие не было для него самоцелью, не было реализацией честолюбивых замыслов или властолюбия, а было той единственной силой, которая была гарантом целостности и независимости России. «Я хранил не Самодержавие, а Россию», – скажет Царь накануне так называемого «отречения» от престола. Часто говорят, что Николай II был воспитан в духе самодержавия. Это, безусловно, так. Но что означал этот дух? Это означало полное самоотречение во имя России, абсолютную личную ответственность за все, что в ней происходило, полную безкорыстность монаршего служения. «Получилось так, что самодержавие как институт дает самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам, той личности, о которой думал Достоевский, создавая своих положительных героев» (Г. М. Катков).

Царь был трагически одинок в своем служении. Это трагическое царское одиночество понимали тогда немногие представители больного русского общества. Но тем сильнее и пророчески звучали слова лучших из них. Так Н.А. Дурново писал в 1906 году: «Все и вся кругом Царя лгут, прямо и безсознательно. Все и вся пользуются Его именем для безправных и пагубных дел. Царь такая же жертва окружающего общества и своего времени, как и все, но неограниченное Самодержавие и помазание Божие не звук пустой. Упование миллионов людей и безсознательная даже надежда миллионов на защиту Помазанника не фикция, не праздная выдумка, а могучая нравственная сила. Когда личность Царя есть именно сосуд Божий, то, что есть у нас теперь, и когда народное бедствие дорастает до крайних границ несчастья, что скоро будет у нас, тогда (...) этот Царь делается исполнителем Божиего завета, забытого людьми. Как в оптическом фокусе сообщаются рассеянные лучи, так в этом Царе сообщается нравственная мощь и упование миллионов душ, выведенных обстоятельствами из нормы равнодушия, спокойствия».

У Государя было великое утешение в лице его Августейшей Супруги и Детей. Вся Царская Семья являет собой потрясающий образец «Малой Церкви», в которой главной основой была любовь и помощь друг другу. Самым верным и преданным человеком в жизни Государя была Императрица Александра Федоровна. В православном мире

Императора Николая II часто называют «венцом Царей русских». С полным правом то же самое можно сказать и о Государыне: воистину она была «венцом Цариц русских». Будучи нерусской и неправославной по своему рождению, Императрица Александра Федоровна смогла подняться до самых высот русского духа, до самых высот благородства русской души, до самой сути Православной веры. Какой любовью, какой мудростью и каким смирением дышат Ее письма из заточения! «Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасет, оттого надо безпрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную.

Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней все это переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следовать, так и с Родиной.

Чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство, – мы одно составляем и делим горе и счастье».

Николай II, находясь на высотах, где, по словам У. Черчилля, «события превосходили разумение человека», видел гораздо дальше и глубже своих министров, чиновников и обывателей. Царь не отделял, в отличие от большинства государственных деятелей его эпохи, духовно-нравственное видение политики от целесообразного. Ему было дано осознать и узреть Промысел Божий в Русской истории XX века.

Идеи Императора Николая II, не оцененные современной ему общественной мыслью, сегодня поражают своей современностью. Его инициатива по созыву Гаагской конференции по разоружению, его инициатива по учреждению Международного суда, его идеи о подлинном народном представительстве, которое должно было сильно отличаться от того, что представляла собой Государственная Дума, его идея рабочих советов, похищенная затем революционерами, и десятки других Царских инициатив до сих пор актуальны. Велик вклад Императора Николая II и в вопросе социального развития России. Именно в царствование Императора Николая Александровича Россия сделала огромный шаг вперед в вопросах защиты материнства и детского труда, в вопросах здравоохранения и народного просвещения. За двадцать лет царствования Императора Николая II (с 1894 по 1914 год) население Им-

перии выросло на 40 миллионов человек. Таких темпов роста Россия не знала ни до, ни после.

Все важнейшие реформы царствования Николая II проводились благодаря личной воле Императора, под его непосредственным руководством. С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов были талантливыми, но исполнителями его воли. Кстати, это признавали и они сами. Так С. Ю. Витте писал о финансовой реформе 1897 года: «В сущности, я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных – доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II. Я имел за собою доверие Его Величества, и благодаря его твердости и поддержке мне удалось провести эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования Императора Николая II».

Окруженный людьми, большинство из которых перестало понимать суть русской государственности, людьми, не обладавшими политическим предвидением, в условиях отсутствия верной опоры в высших слоях общества, среди дворянства и чиновничества, Русский Православный Царь пытался опираться на народ. Николай II, как никто из Романовых, хотел и имел все основания по своим личным качествам стать «народным Царем». Но вся русская элита, а также русское общество в целом, по разным соображениям, всеми силами мешали ему исполнить это желание, отталкивали народ от власти, соблазняя его разным идеологическим вздором, все больше и больше отдавая его в цепкие когти революции. Революция становилась для русского общества неким фетишем, самоцелью, высшим идеалом. Можно с уверенностью сказать, что русское общество охватил психоз революции.

Как уже говорилось, Николай II жил и царствовал в условиях духовного кризиса, в эпоху, когда в человеческой истории все больше начинало набирать силу отступничество от Христа, человечество все больше приобретало черты апостасии. Она проявлялась во многих явлениях русской жизни и не всегда носила осознанный характер. По мере того как православное самосознание уходило из русской правящей элиты, ему на смену приходили разного рода суррогаты, причудливые смеси из мистики, оккультизма, масонства, социализма, богоискательства. Русское высшее общество XIX и начала XX веков буквально было наполнено этими суррогатами. Это было модно, престижно, увлекательно. Православие у русской элиты все больше становилось обрядовым, все больше считалось религией простого народа, старомодным. На этом фоне глубоко верующий православный Государь был чужд всякого рода ложной мистики.

Решительным духовным поворотом в жизни Императора Николая II стала канонизация святого старца Серафима Саровского, происшедшая в 1903 году, по личному настоянию Императора вопреки сомнениям Синода. «Немедленно прославить», – такова была резолюция Николая II по поводу канонизации Преподобного Серафима Саровского. В этот момент, следуя зову своей совести и убеждению, Царь не знал, что сбыва-

ются пророческие слова святого, сказанные им незадолго до кончины: «Будет Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и его самодержавия, все восставшие погибнут, а Бог Царя возвеличит».

А. Н. Боханов пишет о Николае II и его эпохе следующие строки: «Среди цинизма, безверия, нигилизма, конформизма, социальной демагогии и непримиримости, характеризовавшей русскую политическую сцену в конце XIX – начале XX века, верующий в Бога, почитающий традицию, милосердный и доброжелательный политик не мог не проиграть свою историческую партию. И его проигрыш стал проигрышем всех и вся в России».

Но именно в этом проигрыше политика заключалась великая духовная, обращенная в будущее победа Императора Николая II, оказавшегося выше, милосерднее, доброжелательнее своей эпохи, а значит и мудрее ее.

Вся жизнь Императора Николая II – это верность Христу и России. Еще будучи ребенком, он плакал над евангельскими сценами страданий и распятия Спасителя, говоря, что если бы он был в то время в Иерусалиме, то не предал бы Христа, а пришел бы Ему на помощь и освободил Его. Спустя 40 лет, в заснеженном Пскове, Государь будет предан и оставлен большей частью русского общества.

«И никто не вступился за Него. Ни венценосные родственники, ни те «истинно русские» люди, что сумели довести Царя до падения, себя же привести вовремя в безопасность. Николай II не бежал и никого не предал. Он ни перед кем не виновен. Пред Ним же виновата вся Россия». (Эмиль Борман).

Но и тогда, когда кругом царили «измена, трусость и обман», Государь подтвердил свою верность Христу, выбрав Его путь. Он испил до конца чашу, предназначенную от Господа, в очередной раз склонился пред Его Святой Волею, отринув свою собственную волю. Находясь в заточении, Царская Семья явила великое смирение, благородство души и силу духа. «Предоставленная себе, изолированная от внешнего мира, подвергнутая аресту, Царская Семья обнаружила силу христианского духа необыкновенную. Сияние шло от этих исполненных любви и смирения людей».

Нам не дано в полной мере почувствовать и осознать, как Они жили свои последние дни в мрачном Ипатьевском доме, что Они чувствовали, о чем думали. Но не вызывает никакого сомнения тот факт, что эти последние дни были венцом Их мученичества и венцом Их подвига. С Царской Голгофы до нас дошел самый важный, самый священный завет Императора Николая II, переданный его старшей Дочерью Великой Княжной Ольгой Николаевной: «Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не что зло победит зло, а только любовь».

П. В. МУЛЬТАТУЛИ
«СВЯТОЙ ЦАРЬ-МУЧЕНИК НИКОЛАЙ II»,
(печатается в сокращении)

ЛЕСНАЯ ЛИТУРГИЯ

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)

Разные людские потоки в разные годы лились в лагеря — то раскулаченные, то космополиты, то срубленная очередным ударом топора партийная верхушка, то научно-творческая интеллигенция, идейно не угодившая хозяину, — но всегда, в любые годы был единый общий поток верующих — «какой-то молчаливый крестный ход с невидимыми свечами. Как от пулемета падают среди них — и следующие заступают, и опять идут. Твердость, невиданная в XX веке!» Это строки из «Архипелага Гулаг».

Словно в первые христианские века, когда Богослужение совершалось зачастую под открытым небом, православные молились ныне в лесу, в горах, в пустыне и у моря.

В уральской тайге служили Литургию и заключенные Вятских исправительно-трудовых лагерей.

Были там два епископа, несколько архимандритов, игумены, иеромонахи и просто монахи. А сколько было в лагере верующих женщин, которых всех окрестили «монашками», смешав в одну кучу и безграмотных крестьянок, и игумений различных монастырей. По словам отца Павла, «была там целая епархия!» Когда удавалось договориться с начальником второй части, ведавшей пропусками, «лагерная епархия» выходила в лес и начинала богослужение на лесной поляне. Для причастной чаши готовили сок из различных ягод: черники, земляники, □□□□□□□,

брусники — что Бог пошлет, престолом был пень, полотенце служило как сакос, из консервной банки делали кадило. И архиерей, облаченный в арестантское тряпье, — *«разделиша ризы Моя себе и об одежде Моей меташа жребий...»* — предстоял лесному престолу как Господню, ему помогали все молящиеся.

«Тело Христово приимите, источника безсмертного вкусите», — пел хор заключенных на лесной поляне... Как молились все, как плакали — не от горя, а от радости молитвенной...

При последнем богослужении (что-то случилось в лагпункте, кого-то куда-то переводили) молния ударила в пень, служивший престолом — чтобы не скверниили его потом. Он исчез, а на его месте появилась воронка, полная чистой, прозрачной воды. Охранник, видевший все своими глазами, побелел от страха, говорит: «Ну, вы все здесь святые!»

Были случаи, когда вместе с заключенными причащались в лесу и некоторые из охранников-стрелков.

Шла Великая Отечественная война, начавшаяся в воскресенье 22 июня 1941 года — в день Всех святых, в земле Российской просиявших, и помешавшая осуществиться государственному плану «безбожной пятилетки», по которому в России не должно было остаться ни одной церкви. Что помогло России выстоять и сохранить православную веру — разве не молитвы и праведная кровь миллионов заключенных — лучших христиан России?

Высокие сосны, трава на поляне, престол херувимский, небо... Причастная зековская чаша с соком из лесных ягод:

«...Верую, Господи, что сие есть самое пречистое Тело Твое и сия есть честная Кровь Твоя... иже за ны и за многих проливаемая во оставление грехов...»

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)
«РОДНЫЕ МОИ»

Христианская поэзия

Пред чудным ликом Богоматери
Таинственный и тихий полусвет,
И льется пение монастырской братии,
За всенощной всегда грядет рассвет.

И в небеса молитва поднимается,
Все тучи разгоняя на пути,
И колокольным звоном отзывается
В далеких уголках разбуженной души.

Живем и трудимся, ведомые молитвой
В глуши затерянных монастырей,
Увенчанных победой в битвах,
За Русь Святую, за простых людей.

Не нашим немощным хотеньем —
Молитвой к Божией Матери стоим.
Пока поют монахи в ночном бдении,
Народ российский наш непобедим.

Т. Е Долгова,
г.Петушки, Владимирской обл.

С БОГОМ В ТИШИНЕ

Молитва не озарит духа без любви...
Свт. Филарет, митрополит Московский

Господь, Создатель и Спаситель,
Молю Тебя всегда о том,
Чтобы мой Ангел, мой Хранитель,
От бед мирских закрыл крылом.

Молюсь, Господь, свеча в руках горит,
Молюсь, и слезы льются чистыми ручьями.
Теплом всё наполняется внутри,
Душа цветет весенними цветами.

Прошу, не оставляй нас, Боже,
Благослови спастись душе,
Смягчи сердца ты наши тоже,
Послав свой благодатный свет извне.

Ты помогаешь, Человеколюбче,
Нам щедро всем, рабам Твоим,
И мы, к Тебе взывая, Отче,
Молитву сердцем всем творим.

Блажен, кто пребывает вечно
С Тобой и сердцем, и душой,
Хоть жизнь и проходит быстротечно,
Всё в ней предрешено — Тобой.

Любовь к Тебе границ не знает,
Она в нас пламенем горит,
Победным светом путь наш озаряет
И заставляет дальше жить!

Наталия Кучменко, г. Липецк

НА МОСТУ ЖИЗНИ

Иисус говорит им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

Мк. 2, 17.

В далекие времена в Новгороде был страшный обычай: преступников связанными сбрасывали с моста в реку Волхов. Однажды толпу, ведущую осужденного на казнь, встретил на мосту святой Варлаам Хутынский. Он стал упрашивать народ отдать ему приговоренного к смерти. Новгородцы, глубоко почитая святость старца, отдали ему преступника. Монах отвел его к себе в монастырь.

Прошло время. Вновь на том же мосту произошла подобная встреча. Опять разгневанная толпа новгородцев вела обвиненного ими для того, чтобы сбросить его в воды реки. Но на сей раз святой, лишь перекрестившись, прошел мимо. Приговоренный был казнен.

Желая проникнуть в мысли старца, горожане спросили, почему в первом случае преподобный Варлаам вступился за осужденного, а во втором — нет. Какой смысл таится в его поступках?

Старец ответил, что один из приговоренных был действительно преступником, а другой — невинно оговоренным. За кого же вступился Варлаам Хутынский? Как думаешь, мой дружок? За невинного?

А как мог думать святой? Святые потому и святые, что они ни на секунду не забывают о вечности и спасении души. Своим прозорливым взглядом, данным Богом, старец Варлаам прозревал жизнь, которую прожили встреченные им на мосту. Один из них был опутан грехами, как веревками. Ему необходимо было продлить дни для покаяния, для исцеления духа. Другой уже был готов к встрече с Богом, успев преобразить себя из земного человека в небесного. Ему лишь не хватало мученического венца для великой награды. Так за кого же вступился святой? Мы все еще на мосту жизни. И все еще связаны грехами. Милостивый Господь по молитвам святых продлил покаянные дни. Думаешь ли, друг мой, о нашей вечной участи?

Борис Ганаго
«О ПРОМЫСЛЕ БОЖИЕМ»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ***ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.***